

СЫСКАРЬ ИЗ БУДУЩЕГО

*В ВИХРЕ
ВРЕМЁН*

Эдгар КРЕЙС

Annotation

В самом центре современной Москвы действует банда жестоких грабителей. Они безжалостны к своим жертвам, а чудом выжившие утверждают, что на них напали бородатые мужики в косоворотках и лаптях. По следу «ряженных» идет лучший оперуполномоченный МУРа Николай Бельский. Ему удастся выйти на банду, выманить их на себя и ликвидировать убийц. Скрыться удастся только главарю, буквально ушедшему в глухую кирпичную стену. В азарте погони опер бросается вслед за ним и... попадает во времена Ивана Грозного.

Бельский не растерялся – для поимки опасного преступника он идет на службу в Разбойный приказ. Ведь древняя Москва – это все равно его родной город. Сумеет ли сыскарь из будущего защитить мирных жителей от расплодившихся бандитов?

Эдгар Крейс

Сыскарь из будущего

© Крейс Э., 2017

© ООО «Издательство «Яуза», 2017

© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

АЛХИМИК

Осенняя, промозглая погода с нудным, морозящим дождем и туманом заставляла жителей Лондона сидеть дома, если, конечно, у этого человека был свой дом. Без особой необходимости они старались не появляться на улице, тем более как сейчас, когда было темно, а стрелки часов на городской башне замерли на трех часах ночи. Но человеку, бесконечно увлеченному науками, подобная погода была совершенно не в тягость. Он-то и на улицу выходил только для того, чтобы прикупить себе новых реактивов для своих бесконечных опытов, да еще что-нибудь поесть. Впрочем, о еде он всегда беспокоился в самую последнюю очередь. Ну, а ночь, что такое ночь, если Рональд, с головой ушедший в алхимию, привык работать сутками напролет, не заботясь ни о сне, ни о еде и не об отдыхе. Он еще достаточно молод, полон физических сил и весьма амбициозен.

Алхимик, в который уже раз перечитывал один и тот же абзац древней книги и никак не мог взять в толк смысла написанного. Вроде и греческий он знал превосходно, да и значение каждого слова ему было вполне понятно, но воедино сложенные слова никак не хотели приобретать законченный смысл. Правда, и страницы книги, написанной самим Аристотелем, местами были затерты чуть ли не до дыр. От древности чернила уже сильно потускнели, но буквы были еще вполне читаемы. Красивым каллиграфическим почерком написанный текст было приятно читать, но вот смысл его был воистину неуловим. Казалось, что автор специально написал какую-то абракадабру, чтобы скрыть от своих потомков чрезвычайно важные знания. Не хватало всего какой-то пары слов. Может, тогда все бы и встало на свои места, но их скрывало какое-то застарелое пятно. То ли клякса от чернил, то ли почерневшая от времени капля крови скрывала столь бесценные буквы.

Алхимик недовольно отодвинул в сторону старинную книгу, откинулся на спинку старого, скрипящего стула, который грозил вот-вот развалиться, и уставился на подрагивающий огонек свечи. Рональд стал напряженно думать. «Хорошо, мелкая крошка свинца у меня есть; китайская соль тоже есть; полторы унции серы положил; залил смесь земляным маслом; добавил пригоршню измельченной яичной скорлупы; ртути вполне достаточно; четыре капли слезы девственницы и малая ложка урины павлина – все это у меня уже замешано в колбе, но чем может быть последний элемент этого чудодейственного состава? Ума не приложу!» Алхимик встал со стула и стал нервно ходить вдоль небольшого стола, сплошь уставленного всякими колбами, ящиками, коробками, горелками. Над ним на веревке висели связки сушеных лапок самых разных тварей и пучки хорошо просушенных трав.

Он задумчиво посмотрел на приоткрытое маленькое оконце своей небольшой комнатки, из которого понемногу цедился сырой лондонский воздух. Но закрыть окно было невозможно. Вся комната пропахла от множества химических реагентов, различных трав и тушек диковинных животных. Окно находилось под самым потолком, так как жил алхимик в сыром полуподвале. Так было значительно дешевле. На большую лабораторию у него не было денег, но он надеялся, что в скором времени сможет превратить серый, невзрачный свинец в блестящее, желтое золото и тогда ему сам король будет не брат. «А если попробовать добавить измельченного порошка вулканической лавы, что привезли мне мои друзья из

Италии, и добавить туда еще одну порцию красной серы?» – внезапно подумал Рональд и критически взглянул на яркий огонь, под булькающей в стеклянной колбе жидкостью. Не откладывая в долгий ящик, алхимик растолок в ступе небольшой кусок вулканической лавы и высыпал образовавшийся порошок в колбу. Жидкость на миг успокоилась, но тут же принялась бурлить еще интенсивнее. «Та-ак, очень хорошо, а теперь добавим туда серы!» – пробормотал себе под нос Рональд и стал помаленьку высыпать в колбу серу из холщового мешочка. Жидкость стала бурлить еще активнее. Алхимик посчитал, что серы все-таки маловато и добавил еще одну порцию. Затем взял железный прут и стал осторожно перемешивать полученный состав.

Некоторое время ничего не происходило. Затем состав в колбе ярко вспыхнул, да так ярко, что Рональд в спешке прикрыл глаза и отвернулся, а когда он их открыл, то увидел на том месте, где еще только что была стена, – троицу оборванцев с густо заросшими бородами рожами. Те сидели на полу в каком-то подземелье спиной к нему и ругались друг с другом из-за какого-то мешка. Самый здоровый из них вскочил на ноги. На поясе у него висел нож с локоть в длину. Он рванул мешок на себя, но его тощий товарищ и не думал выпускать его из рук. Он вцепился в увесистый мешок двумя руками и ругался на здоровяка на непонятном для Рональда языке. Третий же только щерился своим беззубым ртом и что-то говорил обоим оборванцам на том же языке. Алхимик пришел в ужас. Даже если эта троица живет с ним по соседству, хотя он их никогда в своем доме не видел, то куда могла деться стена, которая должна была отгородить его от этой шумной компании. Здоровяк поднял руку и хотел заехать по уху своему оппоненту, но тут алхимик взвизгнул от неожиданности. Троица услышала его крик. Они медленно повернули головы и недоуменно посмотрели на него. Потом переглянулись и почти хором спросили:

– Ты это кто?

Рональд ничего не понял из сказанного. Он от ужаса округлил глаза и, не отрываясь, смотрел на буйную компанию как на привидения. Здоровяк бросил свой мешок и с любопытством оглядел то место, где должна была быть стена. Затем неуверенно сделал шаг и остановился. Настороженно огляделся по сторонам и вытащил из ножен нож. Алхимик покосился на его широкое лезвие и, медленно спустившись со стула, забрался под стол. Здоровяк боязливо заглянул к нему в комнату.

– Чо там, Васька? – испуганно спросил щербатый.

– А пес его знает! Щас увидим! – ответил тот и, убедившись, что Рональд в комнате один, смело перешагнул через остаток стены.

– Ты там поосторожней! Вдруг это дьявольское отродье тебя заколдует! Вишь, шо он тут со стяной нашей наделал!

– Не бойсь, и не с такими отродьями мы по ночам справлялись! Сщас найдем и на него управу! Я только осмотрюся, мож чо полезное для нас найду! – пробасил Василий.

Рональд еще глубже забился под стол и мелко дрожал от ужаса. Он совершенно не понимал, о чем говорят эти люди, и оттого ему было еще страшнее. Сидя под столом, он видел только короткие, грязные сапоги и непонятного цвета широкие штаны. Бандит явно приглядывался к обстановке его комнаты. Сапоги медленно прошлись взад-вперед, а затем остановились прямо напротив него.

– Вылазь, дьявольский прислужник! – пробасил здоровяк и со всей силы врезал кулаком по столешнице.

На столе что-то загремело. Колба с раствором упала на пол и разбилась. Раздались

истощные крики, прерываемые резкими возгласами бандитов, но вдруг все резко замолкли. Через мгновение здоровяк недовольно зарычал, а алхимик схватился за голову. Все деньги, что он за три месяца с таким трудом копил на приобретение препаратов, пошли прахом. Он уже не думал о бандитах, он оплакивал свой пропавший понапрасну труд. Тут здоровяк снова заревел, наклонился и заглянул к нему под стол. На алхимика уставились черные, злые глаза. Волосатая ручища протянулась к нему под стол и схватила за шиворот, а затем рывком вытащила его из-под стола. Ноги алхимика беспомощно повисли в воздухе, а в лицо ему дыхнули перегаром, замешанным на луке и чесноке.

– Ты пошто, ирод, моих друганов заживо замуровал?! Убью, зараза!

– I don't understand you! – дрожа всем телом и пытаясь не смотреть в ужасные глаза здоровяка, истошно закричал Рональд.

– Сказывай по-человечески, дьявольское отродье! – закричал на него Василий и замахнулся рукой, чтобы дать оплеуху, но передумал, глядя на его тщедушный вид, и только хорошенько встряхнул.

Здоровяк указал пальцем за спину Рональда. Тот осторожно повернул голову. Стена как ни в чем не бывало снова была на своем месте, словно ничего и не произошло. Только невыносимый запах долго не мытого тела бородатого разбойника и перегар говорили о том, что Рональду ничего не померещилось. Он повернулся лицом к бородатому чудовищу и дрожащей рукой указал на пол. Василий понял его и опустил вниз.

– Давай размуровывай, ирод, а нишо убью!

Рональд владел множеством языков, но русского языка не знал. Он еще ни разу в жизни не встречал таких диких варваров, про которых ему рассказывали, что у них в стране все время холода, а ездят они на медведях и пьют подогретую кровь детей, чтобы не замерзнуть. Алхимик покосился на здоровяка и подумал, что скорее всего люди не врут про этих дикарей, вон у него какие ручищи, а лица шерстью заросли так, что смотреть на них страшно. Что стоит такому чудовищу свернуть голову не только ребенку, но и любому взрослому человеку.

Как ни странно, но Рональд понял, что от него требуют. Алхимик не знал, как у него получился фокус со стеной, и сейчас лихорадочно вспоминал, что он перед ее исчезновением делал. Он с волнением обнаружил, что на столе нет колбы с его экспериментальным составом. Он заглянул за стол и увидел на полу осколки стеклянной колбы. И что странно – нигде не было видно вещества, которое только что хлопотало в ней. «Хорошо хоть горелку здоровяк не опрокинул, пока стучал своими кулачищами по столу. Случился бы пожар – вовек с хозяином дома не рассчитался бы!» – настороженно оглянувшись на дикаря, подумал алхимик.

Из-за своей педантичности Рональд пошел за веником и стал заметать многочисленные осколки. Василий с нескрываемым интересом оглядывал комнату, но обстановка в ней была так бедна и аскетична, что даже оборванец не нашел для себя ничего интересного. Закончив осмотр, он уставился на алхимика, который все еще заметал осколки стекла, но вскоре ему это занятие надоело, и он крикнул:

– Делом займись! Что попусту мусор туда-сюда гоняешь?!

В это время веник что-то зацепил под столом. Рональд сильнее прижал его к полу, и это что-то с грохотом выкатилось из-под стола. Алхимик тут же замер, не в силах оторвать своего взгляда от желтого, блестящего слитка, по форме напоминающего грецкий орех. Рональд и раньше делал уборку в своей комнате, но он мог чем угодно поклясться, что в ней

никогда не было золота. А что это именно золото, а ничто иное, он уже совершенно не сомневался. Рональд быстро наклонился и поднял золотой «грецкий орех». Слиток был еще теплым и приятно согревал руку. Алхимик попытался быстро спрятать находку в карман.

– Дай сюда! – рявкнул здоровяк и вырвал слиток из рук Рональда.

Алхимик попытался отобрать у варвара свою находку, но Василий бесцеремонно оттолкнул его. Он смотрел на слиток, и в его глазах постепенно разгорался огонь алчности. Он, словно хищник, охраняющий свою добычу, зажал слиток в кулаке и зарычал:

– Не моги трогать! Мое!

Рональд понял бандита без перевода, но чувство собственника вдруг выиграло в его спокойной душе с такой бешеной силой, что он словно кошка, защищающая своего котенка, бросился на здоровяка. Алхимик хотел ногтями вцепиться бандиту в глаза, но получил оплеуху, от которой отлетел в дальний угол, к печке. Он больно ударился плечом об ее дверцу и застонал. Боль только подстегнула в нем чувство собственника. Он стал шарить рукой по полу и одновременно следить за здоровяком. Тот пока не обращал на него никакого внимания. Он нянчил в руках золотой слиток и тихонько приговаривал:

– Мое, мое...

Алхимик наконец нащупал то, что искал. Это была сломанная кочерга. У нее обломился загнутый кончик, и ею было неудобно ворошить в печке угли, но сейчас так даже было лучше. У него в руках теперь была короткая, острая пика. Рональд быстро открыл дверцу и сунул «пику» в горячие угли. «Спасибо промозглой лондонской погоде! Не она бы, не надумал бы растопить на ночь печь!» – втихаря радовался Рональд.

Он спиной прикрывал торчавший из дверцы печи железный прут. Здоровяк время от времени бросал на него подозрительные взгляды, а алхимик ждал, пока накалится железо. Наконец Василий наигрался золотым слитком, развязал на поясе небольшой кожаный мешочек и осторожно опустил в него драгоценную находку. Тщательно завязал и, удовлетворенно похлопав по нему, пробасил:

– Ну, злодей, открывай свои дьявольские ворота! Засиделся я уже у тебя, домой мне пора!

Рональд тут же выхватил из печи обломок кочерги и, как пружина, подскочил на ноги. Он с визгом бросился на бандита. Раскаленное до красноты железо его рукой было направлено прямо в живот Василия. Но тот не растерялся и тут же вытащил из ножен боевой нож. Раскаленный обломок кочерги уже вот-вот должен был коснуться его живота, но, несмотря на свою грузность, Василий быстро повернулся боком, пропустил мимо себя заостренную кочергу, а затем коротко, но мощно ударил остро наточенным длинным лезвием ножа по кисти алхимика. Тот истошно завизжал и прижал к груди окровавленный обрубок. Немного постоял на быстро слабеющих от кровопотери ногах и рухнул без сознания.

Раскаленная кочерга упала на стол, прямо на старинную книгу, и она вспыхнула жарким огнем. За ней стали загораться то тут, то там расставленные колбы и ящички с различными препаратами, и вот уже весь стол полыхал ярким пламенем. Оно все росло и росло. Горящие ошметки падали на деревянный пол, и тот уже тоже начинал понемногу чадить. Внезапно на столе что-то рвануло, и ярко горящая колба полетела ко входной двери, разбилась о нее и вот уже и она запылала. Василий прижался к стене и затравленно оглядывался по сторонам. Дым и жар уже шел со всех сторон. Входная дверь пылала, и выскочить из комнаты уже было невозможно. Он тоскливо посмотрел на открытое узенькое окошко под потолком, но и к нему было неподобраться. Один-единственный стол, с помощью которого можно до окна

дотянуться, уже пылал, как языческий костер на ночь Ивана Купалы. Жар огня дышал Василию в лицо. Он прикрывал его руками. Единственное место, где можно было спрятаться, – это та стена, которая отгородила его от родного подземелья. Тут Василий услышал внизу слабый, сдавленный стон. Он посмотрел себе под ноги – к нему медленно полз злодей, из-за которого он оказался замурованным в адской, огненной ловушке. Тот тянулся к нему своим обрубок. Одежда на нем горела, а лицо было черным от копоти, и только одни белки глаз блестели отсветом огня.

Настоящее дьявольское создание. Василий закричал от страха, плотно прижался к стене и схватился за калиту. Даже сейчас, когда он мог сгореть в адском огне, ему было жалко расставаться с только что приобретенным слитком золота. Но теперь он видел только один способ уйти живым – это откупиться от дьявольского отродья. Василий достал золотой слиток из калиты, горестно посмотрел на него, погладил на прощание и занес над своей головой. Он уже хотел бросить слиток подползающему к нему чудовищу, но вдруг почувствовал жаркое прикосновение Рональда. У него загорелась штанина. Василий зарычал, наклонился и стал поспешно сбивать огонь, не обращая внимания на то, что так и продолжает держать в своей руке золотой слиток. Ужас от близости собственной гибели проник в каждую его жилку. Он попытался отодвинуться от протянутого к нему горящего обрубка руки чудовища, но на миг потерял равновесие и оперся рукой, в которой держал золотой слиток, о стену, чтобы не упасть в бушующее пламя огня.

Вдруг Василий неожиданно почувствовал, что стал падать. Он оглянулся и увидел за внезапно исчезнувшей стеной свое родное московское подземелье и своих подельников, которые все так же сидели на полу и удивленно смотрели на него. Здоровяк неожиданно даже внутренне обрадовался таким родным, невымытым, бородатым ромам разбойников. И тут он завалился на спину чуть ли не в объятия своих подельников. Василий посмотрел на стену. В ней зиял пролом, а из него торчал горящий обрубок руки, а за ним бушевал огонь. Обрубок ходил из стороны в сторону. Он пытался нащупать убежавшего разбойника. Василий с ужасом глядел на действия дьявольского отродья и не мог оторвать своего взора от ужасного действия. Но когда он увидел в проломе стены черную, обгорелую рожу этого исчадия ада, то завизжал и стал отползать подальше от прохода в жилище дьявола.

Наконец Василий уперся спиной в дрожащих от страха подельников. Щербатый истово крестился и кричал: «Чур меня! Сгинь, бесовское отродье!» Тощий же вскочил на ноги и хотел бежать прочь от этого вселенского ужаса, когда вдруг пролом в стене стал медленно зарастать, и вскоре ни крика, ни стога горящего безрукого чудовища не было слышно. Устрашающее видение исчезло, будто бы ничего никогда и не было. Василий огляделся. Он вновь был у себя дома, в своем родном подземелье, в кругу своих подельников. Те молчали, а в их остекленевших глазах застыл ужас пережитого. Они смотрели на старую, выдавшую виды каменную кладку стены. До сегодняшней ночи она казалась им нерушимой защитницей. Теперь они уже очень сомневались в ее надежности. Внезапно завизжал Тощий. Василий и Щербатый вздрогнули от неожиданности и уставились на него. В неверном свете висевшего на стене факела они увидели, что из поросшего мхом камня торчал безжизненный обгорелый обрубок руки, принадлежавший слуге дьявола. По крайней мере, так они думали.

Глава 2

Вылазка

– Чо это было? – продолжая все еще дрожать от пережитого ужаса, спросил Щербатый.

– Чо-чо? Сам дьявол али его сподручный! Не меньше того! – ответил Василий, все еще не в силах оторвать взгляда от черного обрубка руки, торчащего из стены.

– А эт-то теперь так и буд-дет тут у нас т-т-торчать? – клацая зубами, спросил Тощий.

– Ну, так подь и сыми, коль тебе не по нраву! – огрызнулся главарь.

– А чо, чуть что – так сразу Тощий! Нашли крайнего! Пуцай и повисит, все равно вродь как и не мешает!

– А чо он так разошелся? Чо ты ему плохого сделал? – указывая на обрубок и понемногу успокаиваясь, поинтересовался у главаря Щербатый.

– Цацку у него отобрал! Вот и не понравилось этому дьявольскому отродью! – ответил Василий и разжал кулак.

Вся троица, как замороженные, уставились на золотой «грецкий орех». Тощий попытался протянуть к нему руку, но главарь резко ударил по ней ладонью. Тот взвизгнул от неожиданности.

– Шо и потрогать уже нельзя? – обиженно спросил он.

– Дьявольское отродье тоже хотело только помацать, да посмотри, шо топеря с ним стало! – злобно щурясь на обрубок в стене, ответил главарь.

– Так это ты его завалил? – удивленно спросил Щербатый.

– Нет! Сам себе кутяпки поотрубал и от обиды поджег себя! – усмехнулся Василий.

Тощий и Щербатый уважительно присвистнули и тоже покосились на торчащий в стене обгорелый обрубок. Понемногу они успокаивались и уже стали привыкать к новому украшению их жилища.

– Когда за тобой стена закрылася, мы уж подумали, что все – конец Ваське нашему! – вздохнул Щербатый.

– Ни шо! Ежели со мной сам дьявол не смог управиться, то и никому отродяся меня не одолети! – гордо выпятил грудь главарь.

– А подержать в руках цацку все-таки дашь? – жалобно спросил Тощий.

– Ладно, что мне с вами бестолочами делать-то? Ежели бы не я, то давно с голоду бы оба подошли! – важно ответил Василий и протянул стоящему рядом с ним Тощему золотой слиток. – Ты только ня долго, еще попортишь чаво по своей глупости!

Тощий дрожащими от волнения руками взял слиток, и у него на глазах выступили слезы. Щербатый встал на ноги и попытался забрать у подельника золото, но тот резко отдернул руку. Блеск золота зачастую заставлял людей терять разум.

– Ты чо, дай и мне посмотреть! – возмутился Щербатый и полез отнимать слиток.

– Я ешо сам не насмотрелся! – ответил Тощий и отвернулся.

Щербатый не смог стерпеть такой наглости и набросился на своего подельника. Схватил его за руку, в которой был слиток, и стал поспешно выворачивать ее. Но Тощий и не собирался сдаваться, он схватился за нож, который висел у него на поясе и закричал:

– Отпусти! Убью!

– Вы шо, совсем тут ополоумели! – вставая с пола, зарычал на них Василий.

Но драчуны даже и ухом не повели. Щербатый тоже выхватил нож, отскочил и сам стал размахивать им перед лицом Тощего. Главарь подошел к нему со спины и врезал Тощему хорошую оплеуху. Тот не удержался на ногах и отлетел в сторону. Он распластался у противоположной стены помещения и непроизвольно чиркнул по ней золотым слитком, и тут же... задрожал воздух, а стена внезапно пропала. В подземелье ворвался свежий, вечерний ветер. Стал слышен шелест листьев на деревьях. Разбойники тут же перестали ругаться и уставились на новое видение. Перед ними был какой-то парк, вдали виднелись дорожки и редкие прохожие. Люди куда-то спешили. Иногда проходили неторопливые парочки или веселые ватаги молодых ребят. Все они были хорошо одеты и, наверное, совсем не бедные.

– Василь! Я правда не хотел – оно само так получилось! – заканючил Тощий.

– Цыць! – рявкнул главарь, внимательно присматриваясь к людям в парке. – А ну, встань и отходь от стены!

Тощий опасливо посмотрел на образовавшийся проем. Рука его продолжала крепко держать слиток золота, и он как раз упирался в то место, где только что была стена. Тощий убрал руку и встал. Тут же видение в проеме стены потускнело, и через мгновение перед разбойниками вновь была старая, добротная стена.

– Поддай сюда мое золото! – прорычал Василий и зло покосился на Тощего.

Тот бегом подбежал к главарю и с почтением вернул ему слиток. Василий повертел его в руках и проворчал:

– Воистину дьявольский металл! А ну-ка, посторонись!

Главарь, не церемонясь, отпихнул от себя Тощего и подошел к стене. Оглянувшись на противоположную стену, из которой торчал обрубок «дьявольской руки», криво усмехнулся. Затем отвернулся от него и чиркнул по стене слитком. И вновь открылся проем, и показался огромный парк и редкие люди на его дорожках.

– Даже не знаю: кому мне теперь молиться – Богу или Дьяволу? – проворчал Василий и с нескрываемым интересом стал присматриваться к редким прохожим.

– Ты чо задумал-то? – прошептал Щербатый.

– Да, вот думаю, если Дьявол подарил мне такую удивительную штуковину, то шо ей зазря пропадать-то! А я-то, дурак, хотел ее продать! Деньги хотел поиметь за нее! Это же настоящий клад! – восторженно воскликнул Василий, а затем довольно усмехнулся и ласково поцеловал слиток.

– А чо? – не понял Щербатый и удивленно посмотрел на главаря.

– Чо-чо! Вон они, наши денюжки – ходють и неразумють, шо мы – уже здесь! – криво усмехнулся главарь и с довольным видом посмотрел на своих поделщиков. – Пошли, робяты!

Троица, опасливо оглядываясь по сторонам, вышла через образовавшийся проем в парк. Только они все переступили невидимую границу, как за ними постепенно стало таять их подземелье, и через минуту это уже была стена какой-то будки. Главарь нервно почесал затылок. Дрожащей от волнения рукой он провел по стене будки «грецким орехом». И вновь стена начала постепенно таять, и троица с облегчением вздохнула – они увидели свое родное подземелье.

– Нишо! – довольно произнес Василий. – Работает дьявольская игрушка! Давай, робяты, запоминай эту будку – она теперича наша дверь до дому! Поняли, бестолочи? Но и беречь теперь дьявольский «орех» пуще глаза своего, а нято быстро без няго в разбойный приказ угодим!

Те обреченно кивнули головами. Страшновато им было, но делать нечего – повязаны они друг с другом кровью, да и просто работать им уже не хотелось, а поэтому обратного пути у них уже не было.

– Пойдем, пощиплем наших богатых курочек! – рявкнул главарь и направился к одинокой парочке, которую он уже успел приметить. – Только идем тихо!

Главарь уверенной походкой направился к своей цели, а Тощий и Щербатый семенили вслед за ним. Чем ближе они подходили к влюбленной парочке, тем чуднее они им казались. Парень был одет в какие-то синие обтягивающие штаны и непонятную рубаху белого цвета, без ворота и рукавов, словно исподнее. Парочка о чем-то увлеченно ворковала, но главаря больше интересовало, какое оружие есть у парня, но, к своей радости, не приметил его. Василий молча указал своим подельникам, чтобы те заходили к парочке с обеих сторон, а сам, теперь уже не таясь, пошел к ним прямо по песчаной дорожке. Влюбленные увлеченно целовались и заметили их только тогда, когда Василий подошел к ним вплотную. Девушка взвизгнула от неожиданности: на нее, криво ухмыляясь, смотрело бородатое чудовище, а из-за кустов по бокам дорожки вышла еще парочка таких же дурно пахнущих бородачей. Она вначале подумала, что это кавказцы, но, присмотревшись в неверном свете фонарей, определила, что они вроде как русские. Только вот одеты больно уж странно: широченные, неопределенного цвета рубахи и такие же широкие штаны, но чему она была больше всего удивлена – это тому, что на ногах одного из них она увидела лапти. Даже висевший на поясе главаря большой нож не столько ее удивил, как удивили эти лапти, а еще у каждого на голове были шапки, хотя на улице было достаточно тепло.

– Ну, любезные, готовьтесь к ограблению! – рассмеялся Василий. – Отдавайте подброду поздорову все, шо имеете и катитесь отсель, чобы глаза мои вас больше ня видели.

– Это чего еще за шут ряженный? – оглянувшись на главаря, спросил парень и тут же получил удар кулаком в голову.

Он рухнул на землю без сознания, а главарь протянул руку за золотым кулоном, который увидел на груди у девушки.

– Не люблю, когда со мной неуважительно говорят! Давай свои цацки!

Девушка испуганно посмотрела на лежащего без сознания парня и стала судорожно искать на цепочке застежку, но здоровяк не стал ждать, схватил за кулон и сорвал с нее цепочку.

– А теперь кольца давай сюды! – нетерпеливо рявкнул главарь.

Посмотрев на страшные бородатые морды скалящихся бандитов, девушка стала стаскивать с пальцев рук кольца. Одно слезло с пальца сразу, а второе никак не хотело сниматься. Она специально на свидание одолжила кольца и цепочку у своих подруг. Одно из них было ей мало, но больно уж красивое, и ей очень захотелось пофорсить симпатичным колечком перед своим парнем, чтобы тот не подумал о ней, что она какая-то приезжая нищенка.

– Что ты там вошкаешься? Или хошь, шобы вместе с пальцем у тебя забрал кольца? – ухмыльнулся главарь и потянулся за здоровым ножом.

Девушка взвизгнула от ужаса и с силой дернула кольцо, но оно все равно не хотело слезать с пальца. Здоровяк зажал своей лапищей ее руку и схватился за кольцо. Оно, как пробка из бутылки, соскочило с пальца. У девушки от боли и обиды на глаза навернулись слезы, но она сдержалась и не заплакала.

– А это у тебе чо? – вкрадчиво спросил тихо подошедший к скамейке Щербатый и

указал на лежащую на ней сумочку.

– Это моя! Не троньте, пожалуйста, там мои последние деньги, а до зарплаты еще далеко!

– Ни чо! Хахаль твой тебя прокормит! – ухмыльнулся Щербатый и схватил сумочку.

– Осмотри мужика! – приказал Василий.

– А шо этого мужика смотреть-то? У него на поясе ни калиты, ни ножа нет – нищета и оборванец!

– Сам ты оборванец! – в сердцах крикнула на него девушка и, подскочив к своему парню, попыталась перевернуть его на спину. – Сволочи, мой сотовый в сумке остался!

Она со слезами на глазах тормозила парня, пытаясь привести его в чувство, а троица уже уходила прочь. Василий перебирал в руках золотые украшения и довольно цокал языком:

– Всяго нишо потратили время, а смотри: как славно успели подзаработать! Доброе место! Мы ящо много добра здесь наберем!

Внезапно дорогу троице преградила компания подростков. Их было человек десять-пятнадцать, и они явно чувствовали себя хозяевами жизни. Их боялись все, кто жил в этом районе. Даже взрослые люди старались обходить эту компанию стороной. Полиция время от времени сажала их главаря, но быстро выпускала по звонку его папаша. Депутат все-таки. Власть в городе как-никак, а городскую власть полиция очень уважает, особенно если власть подкрепляет свои доводы приличным «зеленым» аргументом. Впереди этой компании шел рослый, широкоплечий парень. Он был чуть ли не на голову выше Василия, которого его подельники считали рослым мужиком.

– Смотри, братва! Бомжики в нашем районе по парку гуляют! Воздухом дышат! Непорядок, и куда только наша доблестная полиция смотрит! От них же на километр воняет так, что в парке добрым людям гулять невозможно! Ну что же, придется нам воспитанием бомжей заняться, раз полиция игнорирует свои прямые обязанности! – рассмеялся сынок депутата и оглянулся на своих дружков.

Они тоже посмеивались и снисходительно поглядывали на «бомжей». Василий с подельниками толком ничего и не поняли из сказанного, но почувствовали, что их хотят обидеть. В это время сынок депутата заметил блеск золота в его руке.

– Смотри, пацаны, а бомжи-то совсем не хило живут, золотишком промышляют! А что-то мне сдается, что не их это золото!

– Так давай отберем и накостыляем им хорошенько, чтобы забыли в наш район дорогу! – поддержал его один из друганов и сплюнул Василию под ноги.

– Ты это что харькиишь! – возмутился Василий.

– Ишь ты! Голосок у наших бомжей прорезался! Ну-ка, ребята, проведем воспитательное мероприятие!

Пацаны тут же рассыпались по сторонам и окружили троицу бородачей. Они достали из карманов кастеты и ножи и пошли в атаку, но ребята сильно ошиблись в выборе своего козла отпущения. Перед ними были выдавшие виды разбойники, для которых вид крови и убийство человека было так же естественно, как и пообедать. Троица разом встала спиной к спине и тут же обнажила свои длинные ножи. Молодые пацаны в слабом освещении вечернего парка не сразу разглядели их, а когда поняли, что их режут, как безвольных свиней на скотобойне, было уже поздно. Первым упал ухмыляющийся сын депутата, а за ним один за другим с воплями боли и ужаса падали другие пацаны. Кастеты и ножи им не помогли. Что были их ножички против боевых ножей бородачей? Так, семечки для стальных зубов волкодава.

Троица разбойников молча и хладнокровно, деловито убивали нападавших. Только внезапно раздавшиеся в парке крики и полицейские свистки спасли несколько жизней неразумных пацанов. Василий настороженно оглянулся по сторонам, сорвал с шеи мертвого главаря пацанов толстую золотую цепь и громко крикнул:

– Опричники рядом! Бегом, братки, отсель, поскорее!

Разбойники, как гончие псы, стремглав понеслись к будке. Как только они добежали до нее, Василий тут же чиркнул по стене своим «грецким орехом». Стена тут же стала исчезать, и вскоре разбойники уже были в своем подземелье.

– Ну, давай-давай, быстрее закрывайся! – нервно закричал Василий на стену, хотя было видно, что за ними еще никто не гнался, а парк начинал постепенно меркнуть, и вместо него снова появилась надежная каменная кладка их родного подземелья. – Вот и все, теперь нас опричники уже не найдут!

Главарь, самодовольно ухмыляясь, похлопал по кладке стены, а затем ласково погладил золотой слиток и рассмеялся:

– Не-е, а что ни говори, а эта штукавина хороша! Настоящий дьявольский подарок! Завтра вечером снова пойдем на дело! Чо это за город-то такой, я, конечно, не знаю, но то, что мужики здесь безоружные, а их бабы все в золоте – мне это даже дюже как нравится!

– А опричники-то конные да при мечах? – заканючил Щербатый. – Догонят нас – вмиг головы поотрубают!

– А ты бегай быстрее! – усмехнулся главарь и снова погладил золотой слиток. – Мы пока далеко от стены уходить не будем. Поохотимся ящю!

Глава 3

Опер

Старший оперуполномоченный убийного отдела капитан Николай Бельский, несмотря на поздний вечер, сидел за своим рабочим столом и работал с материалами очередного дела. Но дело это было не совсем простое, и начальник УГРО решил сегодня никого из оперативного состава не отпускать домой, чтобы задействовать максимальное число своих сотрудников. Практически вся полиция города в эти дни стояла на ушах – в городском парке жестоко убили и ограбили сына депутата городской думы и его друзей. По городу объявлен план «Перехват». А его глава даже хотел еще объявить комендантский час, но его отговорили. Власти города не хотели создавать излишнюю панику среди населения, так как этим может воспользоваться оппозиция и подтолкнуть народ к массовым протестам. Но отец погибшего парня был депутатом, и причем весьма небедным. Он имел многочисленные связи на самых верхах страны, а поэтому на начальника УГРО города, ко всему прочему, начал давить и министр внутренних дел – вынь да положь ему на блюдечке с розовой каемочкой убийцу сына депутата, да еще и красивым подарочным бантиком сверху повяжи. А городское телевидение вообще обнаглело – в каждом выпуске новостей они смаковали подробности происшествия и откровенно ерничали над бессилием полиции; делали ставки: через сколько времени она объявит о своем бессилии раскрыть преступление. Внезапно резко зазвонил телефон.

– Бельский, зайди ко мне! – тяжело вздохнув, произнес начальник.

Николай положил трубку и вышел в коридор. Перед дверью кабинета начальника он побыстрому пригладил волосы и постучался. Немного выждал, пока отзовется хозяин кабинета, и открыл дверь.

– Разрешите, Александр Сергеевич? – остановившись на пороге, бодро спросил Николай.

– Входи, входи, – устало махнул ему рукой полковник и указал на стул возле своего стола.

Не дождавшись, пока его подчиненный зайдет и присядет, он заговорил:

– Вот, ты мне скажи, капитан, когда твоя группа выдаст на-гора результат? Уже сутки прошли, а следователи и оперативники только беспомощно разводят руками. Что мне прикажете докладывать министру? Сверху нам дали на все про все только трое суток! Так что осталось уже меньше сорока пяти часов, а вот что, например, сделала твоя группа? Где твои осведомители? В центре города какие-то бомжи устраивают массовую кровавую резню, больше десятка людей зарезали и ограбили, и никто ни сном ни духом! Что скажешь, Бельский?

– Вы сами знаете, что с осведомителями среди бомжей работать очень трудно. Они с подозрением относятся к чужакам, а о своих говорят очень мало и неохотно, – ответил капитан. – Да и свидетели описывают каких-то весьма странных бомжей: бородатых, в лохмотьях, а пострадавшая девушка вообще заявляет, что один из бомжей был в лаптях. Но это заявление я пока отношу к повышенному эмоциональному возбуждению потерпевшей. А так вроде пока действительно все указывает на бомжей, но больно уж профессионально они расправились с нападавшими.

– Ты хочешь мне сказать, что сын депутата сам напал на вооруженных тесаками бомжей?

– У меня сложилось именно такое впечатление, Александр Сергеевич.

– Ну ладно, может, и захотела молодежь погулять, да вот неудачно как-то у них вышло. Но ты же опытный оперативник, Николай! А деньги? Неужто бомжи их совсем не берут? – с сомнением спросил начальник отдела. – В прошлом году тебе даже выделили фонд на специальные операции.

– Этот фонд еще в прошлом году успел закончиться, товарищ полковник! Да и не всегда деньги могут решить проблему! Не каждый бомж рискнет на своих доносить. У бомжей свои суровые законы – поутру его тело могут обнаружить без признаков жизни. Поэтому, может, и молчат они о серийном убийстве и все пытаются отрицать. Я их, конечно, могу понять. Никто из них не хочет взять на себя ответственность за убийство одиннадцати человек, да еще и совершенное с особой жестокостью.

– А что говорят наши эксперты?

– Составлен фоторобот предполагаемых преступников. В базе МВД информации по ним нет. Я лично с этим фотороботом облазил все местные бомжатники и ничего, никаких зацепок по делу. До сих пор отмыться никак не могу! Воняет, как из старой мусорной ямы.

– Это я уже заметил, когда ты ко мне еще в кабинет вошел, но это дело поправимое. Выветрится. А кинологи чего-нибудь нашли?

– Собака след взяла, но уперлась в стену старой заброшенной будки. Там следы предполагаемых преступников оборвались.

– Может, на крышу запрыгнули?

– Высоковато, метра три – не меньше. Даже олимпийский чемпион не осилит, куда там полуголодным бомжам? – пожал плечами Николай.

– М-да! Может, лестница там была?

– Нет, товарищ полковник, вдоль всей стены прошлись – не было там ничего, что можно было бы использовать для преодоления высоты.

– Ну, и что ты намерен делать дальше, капитан?

– Никто еще не отменял старую добрую ловлю на живца, – ответил Николай. – Как я понял, наши бомжи очень любят золотишко. На это их и купим. Так что мне срочно нужны хорошие золотые украшения!

– Ты что, сережки и кольца на себя нацепишь, капитан? – усмехнулся полковник.

– А мы попросим их надеть нашего очаровательного эксперта, – улыбнулся Николай.

– Елену Михайловну?

– Ее, Александр Сергеевич.

– А вот ей я приказать никак не могу. Оперативная работа не входит в круг ее прямых должностных обязанностей!

– Тогда мне снова придется за свой счет вести Лену в ресторан, – улыбнувшись, пожал плечами Николай.

– Тебе я тоже не могу приказать вести нашу Лену в ресторан. На рестораны у нас тоже нет фондов, – машинально ответил начальник УГРО, но тут же спохватился и заинтересованно спросил:

– А вы что это? Жениться с Леной собрались? Почему я об этом от тебя узнаю последним?

– Если действительно дойдет до свадьбы, вы, Александр Сергеевич, будете у нас

посаженым отцом!

– Вот, спасибо, Николай! Уважил старика! Ловлю тебя на слове! Ну, давай, действуй! Завтра утром жду от тебя рапорт о задержании преступников!

– Не подведу вас, товарищ полковник!

– Если бы я в тебе сомневался, ты бы у меня не работал, Бельский! И Елену Михайловну береги, как зеницу ока! Она у нас в Управлении одна такая! Не дай бог что – шкуру с тебя спущу! Вот так и знай! Так что береги свою невесту!

Через полчаса опер был уже у Лены в кабинете с шикарными розами и коробкой ее любимых конфет. Вытащив подарки из-за спины, он широким жестом положил их перед ней на стол.

– Привет, передовикам сыска! – обогнув стол и поцеловав Лену в щечку, шепнул ей на ушко Николай.

– Опять тебе моя помощь понадобилась, хитрец?

Она осторожно взяла цветы, опасаясь острых шипов, и с наслаждением вдохнула их сладкий аромат.

– Ох, ловелас, знаешь, чем очаровать беззащитную женщину, – улыбнулась Лена.

– Ты-то, и беззащитная? – усмехнулся Николай. – А у кого черный пояс по айкидо?

– Да, ладно тебе! Ставь чайник! Будем пить чай, раз уж принес конфеты! Не пропадать же добру!

– Леночка, я, конечно, с превеликим удовольствием попью с тобой чай, но времени у меня мало. Так что долго засиживаться не могу. Александр Сергеевич мне уже всю плешь проел – вынь да положь ему вчерашних мясников!

– Так вот почему ты ко мне пришел! А то: цветы, конфеты, комплименты. Сказал бы мне сразу, что хочешь пригласить меня на служебное свидание.

– А не зря ты у нас самый лучший эксперт в управлении! Мне действительно нужна твоя помощь, Ленка, – улыбнулся Николай, опуская чайные пакетики с мятой в кипяток. – После окончания дела – любой ресторан на твой выбор! Ну как, поможешь мне?

– Так уж и любой? – улыбнулась в ответ лучший эксперт Управления.

– Ну, в пределах разумного, конечно, – спохватился Николай. – Я же еще пока только капитан. Вот будет у меня генеральская зарплата, вот тогда действительно сможешь выбрать любой ресторан!

– Это можно воспринимать как предложение? – спросила Лена, и щеки у нее непроизвольно зарделись.

– Вот, как только стану генералом – мы сразу с тобой и поженимся! – отшутился Николай.

Он поставил перед девушкой кружку с чаем, а себе взял свою любимую – большую и пузатую.

– Все вы мужчины одинаковы! Как что-то нужно – так цветы и конфеты, а как серьезный вопрос – так в кусты! – надулась Лена и обиженно отодвинула кружку.

– Ладно, Ленка, поймаем мы с тобой этих бандитов и сразу поженимся! – подвигая ей обратно кружку, улыбнулся Николай.

– Правда? Не врешь? – с недоверием спросила девушка.

– Слово офицера! Точно поженимся!

– Тогда выкладывай – с чем ко мне пришел!

Чутье оперативника подсказывало Николаю, что его подопечные приглядели для своего

промысла большой тенистый парк не на одну ночь, а поэтому обязательно, рано или поздно, но себя снова проявят. Вопрос только – когда и где? Сейчас бандитам после массового убийства, по логике, нужно было бы на некоторое время залечь на дно, но у Николая не было времени долго ждать – начальство требует результат сейчас, а конкретных зацепок и наводок пока нет, поэтому капитан решил начать негласное наблюдение за парком прямо с сегодняшнего вечера. Он рассчитывал на то, что если бандиты столь агрессивны и с мозгами у них не все в порядке, то они могут наплевать на предосторожность и вновь появиться в парке в любое время. Даже, наоборот, могут появиться именно сейчас, когда их никто и не ждет. Кроме того, они, скорее всего, и жить должны где-то на территории парка. Обычно бомжи сильно не замораживаются, хотя он с опергруппой излазил парк вдоль и поперек, но не нашел никаких следов их присутствия. «Но должны они быть где-то здесь, совсем рядом», – думал Николай, а своему чутью Николай доверял на сто процентов, иначе бы и жив уже давно не был. Поэтому сегодняшний вечер он проводил в парке, успевшем за пару дней получить в народе лихую порцию недоброй славы. У входа в парк стоял автобус с омовцами, готовыми в любой момент по его сигналу прибыть в указанную точку парка, но сейчас они были далеко, потому что Николай с Леной забрались в самый его дальний угол, и до прибытия группы поддержки нужно было суметь некоторое время продержаться самостоятельно против троицы отморожков с длинными ножами. Время шло за полночь, и в парке уже не было ни души. Конечно, когда по телевизору в каждом выпуске новостей показывают многочисленные, окровавленные трупы – за версту будешь обходить этот парк, особенно ночью. Одно пока скрашивало оперативные бдения Николая – это присутствие Лены. Для ночи она оделась весьма легко и вызывающе. Золота на ней было прям как в хорошем ювелирном магазине, и Николай всерьез опасался за ее жизнь. Какое там айкидо против трех мужиков с мясницким оружием? Поэтому он надеялся больше на себя и подспудно переживал, отчего даже целоваться ему совершенно не хотелось. Он прижимал замерзшую Лену к своему боку и заодно поглядывал по сторонам, реагируя на каждый шорох. Вроде пока было тихо, и Николай достал из пакета термос. Наученный уже не одной ночью бдения, он теперь зачастую брал его с собой, наливая в него хороший, крепкий кофе.

– По-моему, они сегодня не придут! – сказала Лена, принимая от Николая чашку горячего, ароматного напитка.

– Может, и так, но у нас с тобой нет выбора. Мы должны их поймать во что бы то ни стало!

– Глупо себя ощущать подсадной уткой, – поуютнее пристраиваясь рядом с Николаем, с улыбкой произнесла Лена, – но с тобой я согласна и на такую должность.

– Я и сам себя по-дурацки чувствую из-за того, что вынужден тебя подставлять. Ты уж прости меня!

– Не бери в голову, мы же в полиции работаем и делаем одно общее дело. У тебя нет другого варианта, а жертв от этих мясников-маньяков, по-моему, и так уже хватило. Никогда еще в нашем городе разом не хоронили чуть ли не полтора десятка молодых парней, зарезанных, как свиньи на скотобойне. На фотографии с места преступления даже смотреть было страшно! Так что наша задача – их остановить, пока они не наделали еще больше бед!

– Это-то верно, но мне за тебя сильно боязно, Лена. Пока наши омовцы подскочат, куча неприятностей...

И тут Николай прервался. Он почувствовал, что за их спинами кто-то появился. Опер медленно повернул голову и увидел перед собой бородатого мужика в странной одежде. Он

почему-то вспомнил про лапти и взглянул ему на ноги, но мужик был в видавших виды коротких сапожках, правда, без каблуков. Зато на поясе у него висели ножны, а в них – то ли нож, то ли короткий меч. По крайней мере, это было чуть ли не с ладонь широкое лезвие более полуметра в длину. Пока он рассматривал мужика и его оружие, Лена шепнула ему на ухо:

– Оглянись, из кустов еще двое таких же вышли и один из них в лаптях. Так что это наши клиенты.

Николай рассчитывал увидеть настоящих бомжей в китайских обносках, но перед ним были мужики прямо из какой-то исторической киноленты, и это на время выбило его из колеи. Рация для связи с омовцами была у него под курткой, и теперь он хотел незаметно засунуть туда руку, но услышал резкий окрик бородатого мужика:

– Сяди смирна, мил человек, и ня заставляй меня принимать грех на душу!

Казалось бы, по комплекции мужик выглядел увальнем и резвостью отличаться не должен, но это оказалось весьма обманчивое впечатление. В следующее же мгновение Николай почувствовал под лопаткой острие лезвия ножа, а когда он попытался шевельнуться, то холодное железо легко проткнуло ему кожу, и по спине потекла теплая струйка крови.

– Пускай твоя краля скидает свои цацки и тогда останетесь живы! Благодарите Бога, что я сегодня добрай! – прорычал главарь банды, грозно поглядывая то на Николая, то на его спутницу.

Лена попыталась протянуть руку за спину, где под короткой курточкой за пояс джинсов был заткнут револьвер, но бородач в лаптях приставил к ее груди полуметровый тесак.

– По волосам вроде как баба, а в штанах и куртке, прям как мужик какой-то? – с недоумением спросил Тощий.

– А пес с ними, некогда нам с ихними штанами разбираться! Забирай с девки цацки и айда, пока опричники вновь не заявили!

Мужик в лаптях мгновенно сорвал с шеи Лены кулон с цепочкой и посмотрел на ее уши и руки.

– Давай сярежки сюды, да и кольца скидывай поскорее, а вошкаться будяшь – порешу и сам все сниму!

Лена медленно снимала сирежки и кольца. Она видела, что Николай пытается незаметно дотянуться до кнопки вызова на рации.

– Шевелись, бесовское отродье! Вырядилась в мужика – совсем стыд свой потяряла, шлюха! – рявкнул главарь на Лену, и вот этого Николай уже стерпеть не смог.

Он мгновенно развернулся вполборота к главарю, который держал у его спины длинный нож, больше похожий на секиру. Затем сделал обратный захват руки и резко вывернул ее, обезоруживая противника. Почти одновременно он нанес удар пяткой ноги в солнечное сплетение бандиту в лаптях. Тот отлетел от Лены, загнулся и стал беспомощно хватать ртом воздух. Глаза у него выпучились, лицо посинело, а Лена тем временем быстро вскочила на ноги и завернула ему руку с ножом за спину. Длинный нож выпал из рук бандита, а она уже взяла ее на излом. Он закричал от боли, а Лена завалила его лицом вниз на землю и уже надевала на него наручники. Один из троицы был задержан. Николай в это время перекувыркнулся через лавку и уже стоял перед главарем. Тот выставил перед собой руки, видимо, хотел схватить Николая, но, увидев его рост и комплекцию, лишь криво усмехнулся. Выхватил из ножен второй нож и стал им перед собой нервно размахивать. В это время опер вспомнил о третьем бандите, попятился назад, чтобы его не достали ножом, и

быстро оглянулся. Он спиной чувствовал, что Лене сейчас угрожает опасность. И не ошибся. Она сидела верхом на заваленном бандите, а к ней с ножом со стороны спины подкрадывался тот самый третий, и она сейчас не видела его.

– Ленка, сзади! – крикнул Николай.

Девушка обернулась. За ее спиной стоял мужик с бегающими от вожделения глазками и щерился. Он, ухмыляясь, поглядывал на ее обнажившуюся спину. В пылу борьбы коротенькая курточка и майка на девушке задралась и напоказ выставили красивое, молодое, загорелое тело. Разбойник откровенно разглядывал девушку. Похоже, он уже забыл, что должен не стоять с открытым ртом, а помогать своему подельнику. Лена уже успела затянуть наручники на руках поверженного бандита, поэтому ее руки теперь были свободные. Она потянулась за револьвером, но его за поясом джинсов не было. Девушка оглянулась. Револьвер лежал в трех метрах от нее, рядом со скамейкой. Так что до него было не дотянуться. Тогда она сделала обратный кувырок через спину и с удовольствием со всей силы заехала ногами в пах сластолюбцу. Тот скрючился от боли и заорал во все горло.

Николай увидел, что с Ленкой все в порядке, и успокоился. Он полез за пазуху, чтобы достать из наплечной кобуры пистолет, но ему не хватило именно того мгновения, на которое он только что отвлекся. Он только еще поворачивался лицом к главарю, как внезапно почувствовал болезненный удар в левый глаз. Ему еще повезло – это была только рукоятка ножа, а не его лезвие. В противном случае Николай был бы уже не жилец. Оказалось, что главарь метнул нож в капитана и тут же бросился наутек. Николай схватился за глаз и, преодолевая боль, посмотрел на Лену. Она уже успела справиться и со вторым бандитом, а теперь надевала и ему наручники.

– Ленка, вызывай омоновцев, а я попробую догнать главаря! – крикнул Николай и со всех ног рванул за убегающим бандитом.

Бежать было неудобно, сильно болел глаз, но капитан, зажмурился, старался бежать быстрее, чем на внутриведомственной проверке. Он выкладывался по полной и уже почти догонял главаря, но впереди появилась какая-то будка, и бородач успел забежать за угол. Николай выскочил тут же вслед за ним, но только успел увидеть, как главарь занес руку над стеной и чем-то по ней провел и тут же скрылся. «Наверняка там должна быть дверь или пролом», – подумал Николай и рванул к тому месту, где только что стоял бандит. Стена оказалась довольно длинной, и пока он добежал, главаря и след простыл. Опер остановился. Перед ним в стене был пролом, а за ним – какое-то помещение. Николай вошел в него. Света от парковых фонарей едва хватало на освещение пустого зала. Так что было достаточно мрачно. Он осмотрелся. Никого в помещении не было, только на противоположной стене что-то чернело. Николай подошел поближе, чтобы получше рассмотреть. А когда он наклонился над странным черным предметом, торчавшим из стены, то понял, что это – останки человеческой руки. Внезапно в подземелье стало темно. Он посмотрел туда, где еще совсем недавно был проем и хорошо виден парк, но там теперь было совершенно темно. Николай медленно и осторожно с вытянутыми вперед руками пошел дальше. Руки наткнулись на каменную преграду. Он на ощупь прошелся вдоль всей стены от одного угла до другого, но пролома нигде не нашел. «Мистика какая-то! Только что ведь был!» – пробормотал Николай. Ладони ощущали старый шершавый камень. Он прочной стеной отгородил его от парка. Капитан присел на корточки, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Теперь ему предстояло не только найти бандита, но и постараться выбраться из темницы. Он вспомнил про рацию и решил пообщаться с омоновцами, чтобы узнать, как там

дела, как себя чувствует Ленка, но сколько ни пытался вызывать их, ответа не было. Динамики радиации только «шипел» – ни на одном из каналов не было даже признаков жизни. Эфир будто вымер. Тогда Николай достал сотовый, но и тот упорно показывал отсутствие зоны.

– Черт! – выругался вслух Николай. – В самый нужный момент, как всегда, нет связи!

Глава 4

Подземелье

Внезапно наступившая темнота вкупе с затхлостью воздуха и смеси каких-то незнакомых запахов вначале обескуражили Николая. Он пытался понять, как он мог оказаться запертым в этой ловушке. Ведь он явственно видел пролом в стене. Сам через него прошел, а теперь за его спиной глухая стена и никаких признаков повреждений в ней нет.

– Мистика! – еще раз вслух произнес капитан, распрямляя спину, и решительно добавил: – Ладно, потом с чудесами буду разбираться, а сейчас нужно выбираться из будки.

Николай ощупал глаз – цел, вроде как обошлось. Боль еще ощущалась, но глухая и слабая. Подвигал плечами, прислушиваясь к своим ощущениям. От пореза еще немного саднило под лопаткой, но это все мелочи. Руки, ноги были целы, но главное – это то, что с Ленкой все должно быть в порядке, а ребята из ОМОНа подскочат к ней за несколько минут. Двое бандитов задержаны, а они нашим следакам расскажут, где нам искать их главаря. Так что поймать его останется лишь делом техники.

Капитан включил сотовый в режиме фонарика и осветил вокруг себя. Помещение было достаточно большим, но ничего интересного в нем не было – пусто, запах какой-то затхлый и старый. Хотя какая может быть старость у самостроителя кооператоров начала девяностых. Скорее, это был запах бомжей. Только вот камни, из которых были сложены стены ларька, выглядели больно уж старыми, а местами из щелей торчал мох. На полу, на толстом слое пыли, виднелось множество отпечатков ног. А возле стены, из которой торчала рука, пыли на полу вообще не было. Видимо, здесь бандиты сидели. «Что они, молились на нее, что ли? Да и как эти бандиты умудрились вмуровать руку в цельную глыбу? Никаких следов раствора цемента! Как будто вросла в камень! Странно!» – удивленно подумал Николай, внимательно разглядывая стену и торчащий из нее черный обрубок руки.

Капитан искал дверь, но вместо нее была невысокая арка, а за ней – длинный, темный коридор. Он осветил туда и невольно присвистнул – ему открылся коридор, выложенный из таких же камней, как и помещение, которое он только что обследовал.

– Не хилая конурка у наших бандитов! – воскликнул он. – Никогда бы не подумал, что в небольшом ларьке можно было спрятать столь объемные помещения!

Где-то впереди Николая раздался писк. Синий свет фонарика упал на суетно шевелившиеся серые комочки жизни. Затем блеснули настороженные бусинки черных глаз. Крысы! Их было много, не меньше двух или трех десятков. Они не боялись человека. Животные с любопытством разглядывали его и без конца пищали. Николай решительно пошел на них, потому что другого пути, как пройти через эту кишашую массу, у него не было. Раскидывая по сторонам подвернувшихся ему под ноги крыс, он прошел, но, услышав за спиной злобное шипение, обернулся. Вовремя. На него сзади, в прыжке летела самая здоровая из всей стаи. «Вожак!» – подумал Николай и со всей силы пнул крысу ногой, прямо в полете. Она взвизгнула от хорошего удара и, отлетев, ударилась о стену. Она больше не шевелилась, а ее товарки тут же набросились на нее. Капитан брезгливо посмотрел на бурое пятно на своих белых кроссовках. Он осмотрелся, но в пустом коридоре не нашлось, чем их обтереть. Он поморщился и пошел дальше.

Николай старался соблюдать осторожность, он интуитивно ждал со стороны главаря

банды нападения, поэтому шел оглядываясь и внимательно прислушивался к посторонним звукам. Пока было тихо. Мягкая подошва кроссовок позволяла ему красться почти беззвучно. Единственное, что его выдавало – это свет, но без него было никак. Окон в стенах не было видно, и кошачьим зрением он не обладал. У Николая складывалось ощущение, что он находится под землей, но он хорошо помнил, что у самостроя подвала не было. Строение было временное и рассчитано только на летний сезон. Тонкие стены из легкого пенобетона стояли на заливном фундаменте прямо на земле. Когда-то это был один из многочисленных винно-водочных ларьков. Остальные уже снесли, а этот еще ждал своей очереди. Хотя, как говорят, нет ничего более постоянного, чем временное.

Внезапно где-то далеко впереди он услышал какую-то возню. Время от времени что-то позвякивало. Он тут же выключил подсветку сотового и обнаружил в конце коридора еле заметное свечение. Капитан вытащил из кобуры пистолет и осторожно пошел вдоль стенки. Пройдя метров сто, он дошел до развилки. Свет шел с правой стороны. Оттуда же и раздавался звон металла и тихая ругань. Николай заглянул за угол и увидел главаря. Тот при свете факела, который был закреплен на стене, поспешно сгрэбал со стола в мешок золотую и серебряную посуду. Там же были и золотые, и серебряные украшения. Вот этот звон падающей в мешок металлической утвари и услышал Николай. Похоже, что сборы подходили к концу, потому что главарь быстро огляделся по сторонам и, схватив со стола отрез шелковой ткани, засунул его в тот же мешок. Он взвесил на руке мешок. Видно, он получился тяжеловатым. Бородач недовольно поморщился и попытался взвалить его себе на спину, и тут из-за угла с пистолетом в руке выскочил Николай и закричал:

– Руки поднял и не двигаться!

Главарь вздрогнул, но тяжелый мешок не выронил. Он медленно обернулся и скривил свою рожу.

– И тут до меня добралось это дьявольское порождение! – недовольно пробурчал он и потянулся свободной рукой за лежащей на столе шпагой.

Николай удивился – откуда у бомжей могут быть столь дорогие музейные экспонаты. Хоть он и не был хорошим экспертом, но было видно, что эта шпага старинная, да и рукоять ее украшена большим драгоценным камнем. Он быстро оглядел помещение. Примерно такой же закуток, как и первое помещение, но с кое-какой мебелью. Стол, пара лавок, несколько деревянных сундуков, а по углам две лежки с ворохом старого тряпья. Краем глаза капитан заметил движение главаря и приказал:

– Не балуй! Брось саблю! Не подчинишься – буду стрелять на поражение!

Главарь покосился на пистолет. Видимо, его небольшой размер и странная форма не смогли внушить ему сильного опасения. Бородач лишь усмехнулся и проворчал:

– Стреляют из пушки да пищали, а у тебя-то – ничаго нетути! Так что сейчас приложу тебя махонько своей любимой сабелькой и поминай тогда, как тебя звали!

Он схватил ее и метнулся с ней на Николая, но тот успел выстрелить. Старался не убить, а поэтому стрелял бандиту в руку, в которой он держал саблю. Раздался страшный грохот. Уши заложило капитально. Пистолет и на открытом воздухе стреляет достаточно громко, но в замкнутом пространстве уши закладывает на раз. Затем раздались крики. Причем кричал не только главарь, но и голова, высунувшаяся из-под кучи сваленных в углу лохмотьев. Судя по длинным волосам, это была девушка. Несмотря на то что она кричала от страха, выглядела вполне симпатично. Но тут Николай почувствовал сильный удар по голове, и у него резко потемнело в глазах.

Когда он очнулся, то вокруг было темно, а рядом кто-то потихонечку ревел. Сильно болел затылок. Николай осторожно его ощупал. Почувствовал под пальцами влагу, а голову пронзила острая боль. Он тихо застонал. Рев мгновенно прекратился. Николай почувствовал, что кто-то уткнулся ему в бок и мелко дрожал.

– Ты кто? – преодолевая боль, спросил он.

– Это я – Марфа, – ответил совсем молоденький девичий голос.

– А чего дрожишь?

– Темно, да и крыс я боюсь, а ты тут совсем мертвый лежишь!

– Ну, допустим, к счастью, не совсем мертвый! – попытался улыбнуться Николай, но получилось весьма криво, хотя в темноте его собеседница этого не увидела.

– А откуда я знала? Нюрка тебя по голове чугунной сковородкой как захала, так я подумала, что все – насмерть убила тебя, стерва такая!

– А кто эта Нюрка?

– Да сожительница Васькина, кто ж еще-то?!

– А Васька тогда кто?

– А это – атаман разбойников! Ох, и злющий же мужик, да и дерзкий больно уж сильно! Тятенька мой его как-то поймал и пытал сильно. Тепереча, когда он раздевается, то смотреть на няго страшно дюже. Нигде даже живого места на нем нет. Но Васька как-то умудрился убежать из заточения. Вот тогда он и побился перед своими дружками о заклад, что отомстит моему тятеньке и выкрадет меня. Он надумал запугать его и за все свои раны с него денег хороших затребовать. Вот он меня и выкрал, чтобы отомстить хорошенько моему батюшке за свои былые унижения и увечья. Да перепугал ты его сегодня больно сильно! Она как он со своей сожительницей убяжал, только пятки у обоих свяркали! Хорошо, что ты своей пукалкой ему плячо продырявил! Теперь он долго не сможет правой рукой пошевелить! У, ирод, я бы ему не только руку продырявила, а кое-что ящю! А попался бы он опять моему батюшке в руки, он бы быстро приказал ему голову отрубить!

– Кто же такой твой батенька, если по его приказу людям головы отрубают? – удивившись, спросил Николай.

– Как это кто? Судья он в Земском приказе! Боярин Остафьев Алексей Никифорович!

– И чем твой отец занимается в Земском приказе?

– Во как тяжко тебя Нюрка-стерва по голове трахнула, даже совсем запомнил, чем Земской приказ у нас в Москве может заниматься! Разбойников да татей всяких ловит! Еще Москвой управляет! Чем же еще ему заниматься-то?

«Муниципальная полиция, значит», – сделал вывод капитан и задумался. Ему все больше и больше становились подозрительными разные странные бытовые мелочи, нестыковки, намеки, и он с интересом спросил:

– Так ты, стало быть, боярыня?

– Спрашиваешь тоже! А-то кто же еще, если не боярыня? Как есть боярыня! – со всей серьезностью ответила девушка.

– Понятно, – пробормотал Николай, хотя для него самого сейчас как раз все становилось все более и более запутанным. – А год-то какой сейчас?

– Точно, на всю голову пришибленный! – воскликнула девушка. – Одна тысяча пятьсот семьдесят шестой от Рождества Христова!

Услышав от Марфы какой сейчас год, капитан на некоторое время умолк. Сначала странная стена, которая его пропустила, а потом отрезала ему возвращение обратно; потом

бородатые мужики в странной одежде с огромными тесаками; музейный раритет сабли у главаря бандитов; теперь девчонка-боярыня. Не говоря о мебели, одежде и самом поведении людей. Чудно, если не сказать больше. Николай размышлял, пытаясь увязать всю полученную информацию в какую-то логическую последовательность. Он молчал. Молчала и его собеседница. Видимо, она жалела его, ущербного, потерявшего память от сильного удара по голове.

– Помоги мне сесть, – наконец выдал из себя Николай. – Голова что-то еще кружится.

– Конечно, будет кружиться от чугунной сковородки. Как тебе Нюрка по голове заехала, я думала все – расколет, как перезрелую тыкву! Ан нет – крепкая у тебя получилась головушка. А помочь я б тебе помогла, да вот руки и ноги у меня связаны. Вот ползаю, как умею. К тебе подползла, чтобы не так страшно в темноте было! Факел-то Васька забрал, вот и темно! – запричитала Марфа.

– А где теперь Василий?

– Вот этого, мил человек, тяперя я и не ведаю! Перевязала его Нюрка по-быстрому и убегли они, значит. Своей сожительнице он на тебя сильно ругался. Говорил, что через тебя он всех своих дружков потерял, а теперь ты яго убежище выведаль. Испугался он, что теперь все будут знать про его убежище. Вот и удрал со страху.

– А меня чего он недобил?

– Так ты же и так совсем мертвый лежал, и голова вся в крови! Когда я к тебе подползла, так и дыхания твоего не учуяла!

– Повезло мне, значит, что очухался!

Николай вздохнул и попытался лежа достать из кармана перочинный нож и сотовый. С трудом, но получилось. Включил на сотовом фонарик, и Марфа тут же взвизгнула от неожиданности. Она покосилась на светящийся сотовый и настороженно спросила:

– Что это у тебя за дьявольский огонек?

– Почему же дьявольский?

– Так светит, а не жжется! – удивилась непонятливости Николая девушка.

– Обыкновенный свет, фонарик, – пожал он плечами.

– Фо-на-рик, – по слогам повторила Марфа. – А дашь мне подержать?

Женское любопытство оказалось сильнее страха, Николай протянул ей сотовый.

– На, не жалко!

Марфа попыталась его взять, но связанными руками это было сделать весьма неудобно. Николай подсадовал на свою несообразительность. Видимо, удар по голове действительно сказывался на его умственных способностях. Он перерезал веревку на ее руках. Девушка долго вертела в руках фонарик, светила им в разные стороны. Ей было интересно, и она смеялась мягким, залиvistым детским смехом. Только теперь Николай разглядел, что его собеседнице было лет двенадцать-четырнадцать, не больше. Совсем еще ребенок. Когда он перерезал ей веревки и на ногах, Марфа тут же попыталась встать, но ноги ее не послушались. Они подкосились, и девушка резко осела на пол. Сотовый полетел на каменный пол, но... в последний момент Николаю удалось извернуться и поймать его, иначе они бы остались без света, в полной темноте. Марфа так и сидела на полу, выпрямив ноги, и потихоньку хныкала от беспомощности.

– Давай разотру тебе ноги, – предложил Николай. – Ничего страшного. Мы только что сняли веревку, и скоро у тебя восстановится кровообращение, тогда и сможешь встать. Это как после тяжелой болезни, когда долго не встаешь на ноги. Тогда и слабеешь так, что ноги

совсем не держат.

Марфа опасливо покосилась на Николая, поджала ноги и стала их растирать сама.

– Ну, сама так сама, а я пока осмотрюсь. Кстати, ты не знаешь, как отсюда выбраться?

– Откуда мне знать? Васька, когда меня сюда нес, то в мешок засунул. Так и висела у него на плече, связанная по рукам и ногам, и с тряпкой во рту. Не спросишь и не увидишь!

– Понятно, а факел здесь есть?

– Вона в ящике у стенки лежат. Только огнива-то нет, а Васька его с собой унес. Он много факелов заготовил! Видно, долго собирался здесь сидеть!

Николай, подсвечивая себе сотовым, открыл ящик с факелами. Пакля у них была уже просмолена – только пользуйся. Тогда он достал из кармана зажигалку и высек огонь. Марфа снова взвизгнула.

– У тебя есть ручной огонь? – настороженно спросила она. – Точно, ты с дьяволом небось связан?

– С чего ты это взяла? – спросил Николай, втыкая в крепление на стене зажженный факел.

– А как же? Это же дьявол под землей огнем заведует, а ты из своих штанов – то холодный огонь достаешь, то горячий. Так люди не умеют, а еще руку направил на Ваську, полыхнул огонь, гром раздался, и у него в плече дырка тут же получилась. Васька даже к тебе прикасаться после этого сильно боялся.

– А по голове, значит, не побоялись меня стукнуть? – усмехнулся Николай.

– Так это же Нюрка! Она же на всю свою голову больная. Я даже не знаю, чего это Васька с ней связался? Хотя любит она его, прям как кошка. Каждую ночь в своем углу пыхтела, прямо как разъяренный бык, а днем на меня так и зыркала своими злобными глазищами, хотя Васька меня даже и пальцем не тронул, понимал, что если меня порченую отцу вернет, то ни денег у него не будет, да и головы может лишиться, а так, сторговаться с моим тятей надеялся, чтобы его не трогали. Хотел в другие края податься, да вот теперь ослаб, после того как ты дырку в нем проделал, и бросил меня здесь. Думал, наверное, что я с тобой здесь помру.

– А кушать-то здесь найдется, хоть чего-нибудь? – спросил Николай. – Чего-то после удара по голове мне страшно есть захотелось!

– Так вон, в другом сундуке посмотри! Там еда должна быть: сало, хлеб и чеснок с луком. Его тоже Васька запасал, да забыл в спешке. Неужто ты и вправду настоящий черт, если от тебя так быстро Васька убежал? Один только свой мяшок с золотом-серебром и успел взять.

Николай ничего не ответил. Он разложил на столе те скромные съестные припасы, что остались в сундуке, и деловито нарезал хлеб и сало на кусочки. От них шел невообразимо вкусный аромат. Он не помнил, чтобы хлеб из магазина имел такой вкусный, притягательный запах. Или он так сильно проголодался? Николай не удержался и откусил большой кусок хлеба. Зажмурился от удовольствия, затем промычал что-то невразумительное, положил на него тонкий слой сала и снова откусил. Очистил головку чеснока и так, вприкуску, стал есть. Марфа, широко раскрыв глаза, смотрела на него.

– Во, дурья башка моя! Ты ведь тоже, видать, голодная! – воскликнул Николай и протянул девушке другой кусок хлеба с куском сала. – Чеснок будешь?

– Не-е, я пока так поем! – рассмеявшись, ответила она.

– Чего скалишься? – удивленно спросил Николай и стал себя внимательно осматривать.

Затем пощупал затылок.

Кровь уже запеклась, и голова уже так сильно не болела, хотя еще немного кружилась.

– Не щупай, я и так вижу, что у тебя их нет! – продолжала смеяться девушка.

– Чего нет? – удивился Николай.

– Рогов у тебя нет. Да и чеснок ты трескаешь, не морщась, прям как мужики у моего отца в имении! Точно, не черт! – ответила Марфа.

Глава 5

Другая Москва

Подкрепившись, Николай повеселел. Хотя он по глупости и упустил главаря, но знал, что не промахнулся, когда в него стрелял. С пятидесяти метров в тире девяносто девять очков из ста набирал, а тут всего-то метров пять было, не должен был промахнуться, а раненый враг далеко не убежит. Даже если кость не задета, то вначале на эмоциях, может, и преодолет некоторое расстояние, но потом все равно силы его оставят и ему потребуется отлежаться. А это позволит оперу выиграть какое-то время.

– Ты на свободу хочешь? – спросил Николай, дожевывая хлеб с салом.

– Ага! – обрадовалась Марфа. – Я уж, наверное, целую вечность дома как не бывала. Тятенька с мамкой, видать, совсем уже извелись.

– Тогда подъем, красавица! Думаю, что здесь нас уже ничего не держит.

Николай огляделся по сторонам. Ничего интересного, достойного внимания, не заметил. Затем ощупал себя. Вроде все на месте, только вот кобура была пустая. Он внимательно осмотрел пол – ничего. Осторожно, чтобы поберечь голову, встал на четвереньки, залез под стол, но и там ничего не нашел. Марфа все это время внимательно наблюдала за его действиями, и когда он вылез из-под стола, настороженно спросила:

– Ты это чаго тут по полу ползаешь-то? У тебя голова не сильно болит-то?

– Не бойся, не свихнулся я, – усмехнулся Николай. – Пистолет я ищу.

– Чаго ты ищашь?

– Пукалку, из которой я в Василия стрелял, ищу!

– Дьявольское огниво, что ль? Так его Васька с собой забрал. Сказал, что хоть оно и порождение дьявола, да уж стреляет больно ловко. И вправду! Во, как он заорал, прям как свин зарезанный. Таких орудий у наших стрельцов совсем нетути.

– М-да! А твоих вещей тут нет?

– Все, что было ценного на мне, – Васька уже унес.

– Да, что ты с ним будешь делать! – возмутился Николай. – Все, что ни пропало, – все у Васьки. Действительно, придется его брать!

– Мой тятенька тоже его теперь все мечтает снова поймать, да куда там! Уж больно ловок он стал, прямо как черт какой-то! Прости, боженька, мою душу грешную, – быстро перекрестилась девушка.

– Ладно причитать, пошли! Сдам я этого бандита твоему отцу, и пусть он решает, что с ним делать, – отряхнув с колен прилипший мусор, произнес Николай.

Он снял со стены факел и вышел из бандитского логова. Остановился на перекрестке и стал дожидаться, пока его догонит Марфа. Она вышла с полной котомкой в руке. Пока он ее ждал, она собрала в нее всю оставшуюся в сундуке еду.

– Да, что с ним делать? Отец его кату отдаст, и все дела! – подойдя к нему, она продолжила разговор. – А ты чего встал-то?

– Да вот думаю, куда наш Васька пошел? – ответил Николай и присел на корточки.

Подземелье было ему незнакомо, и куда дальше идти, он не знал. Поэтому внимательно осмотрел пол. Нужно было из двух направлений выбрать единственно верное. Слой пыли указывал на то, что нужно идти в левое ответвление подземелья. Там слой пыли был

значительно тоньше от частой ходьбы туда и обратно, да и пара бурых капелек подтверждала, что главарь ушел именно в этом направлении.

– А кто такой кат? – возобновив движение, спросил Николай.

– Как это кто? – приостановилась Марфа и удивленно посмотрела на него. – Кат он и есть кат. Там, попытать кого-нибудь, али голову отрубить – это он запросто.

– Понял, палач, значит, – ответил капитан, скрываясь за поворотом. – Ты давай, не отставай, а то здесь крыс полно, а они жуть как голодные.

Марфа быстро его догнала. Теперь она старалась держаться поближе к Николаю, а сама теперь постоянно оглядывалась.

– А что это у тебя одежда такая странная? – внезапно спросила она. – И говоришь ты как-то больно уж чудно!

– Как это – странная?

– Ну, как же? По одеже ты и не боярин, и не купец, и не воин, хотя и дьявольским огнем владеешь. Да и на разбойника ты не очень-то похож. Так кто ты такой?

Николай даже приостановился и не сразу нашелся, что и ответить. Ведь если Марфа не сошла с ума в этом подземелье, в окружении кровожадных бандитов, которые еще неизвестно как к ней относились, то выходило, что он попал в Средневековье. Удивительно, конечно, но не менее удивительна и самовосстанавливающаяся стена, которая отрезала его от привычного ему мира. Тут есть о чем подумать.

– Понимаешь, Марфа, я давно не был на родине. Прибыл я издалека. Долго учился за границей, потом служил там. В общем, очень много времени там провел, вот и не похож я немного на ваших мужиков и бояр.

– А где ты служил? А ты женатый? – загорелась от вечного женского любопытства девушка.

– Во Франции, Италии. Бывал и в Германии, Швеции, да много еще где довелось мне побывать. Вот сегодня только и вернулся в Московию из чужбины. А жениться я еще не успел. Времени все никак не было. Все служба и служба.

– А меня тятенька от себя никуда не отпускает! Может, он и правильно поступал, что вот отправил он меня с моей старой нянькой в имение, хотел уберечь, так Васька и оттуда исхитрился меня выкрасть. Пошли мы, значит, с подружками по ягоды, а тут он за кустами. Подружки со страху разбежались, а Васька хват и утащил меня в свое логово.

– Тихо! – шикнул на разболтавшуюся попутчицу Николай.

Та резко замолкла и удивленно посмотрела на него. Опер остановился. Одной рукой прижал Марфу к стене, а другой указывал на арку, за которой виднелось какое-то помещение. На ее стене был виден отблеск огня. В наступившей тишине были слышны чьи-то редкие всхлипывания. Марфа округлила глаза и прикрыла рукой рот. Николай осторожно выглянул из-за угла. На полу, прислонившись к стене, с закрытыми глазами сидел Васька, а рядом с ним на коленях стояла Нюрка. Она гладила его по голове и плакала. Тот придерживал левой рукой шпагу. Пистолета рядом с ним было не видно. Видимо, с дьявольским огнем он был еще не в ладах.

– Оставайся пока здесь! – приказал Николай Марфе.

– А ты куда? – заволновалась она.

– С Васькой поздороваюсь!

Капитан вышел из-за угла. Ни Василий, ни его сожительница не обратили на него никакого внимания. Главарь, видно, спал или был без сознания, а Нюрка ревела и ничего

вокруг себя не замечала. Николай наклонился, чтобы забрать саблю, но тут Василий внезапно открыл глаза и, криво усмехнувшись, прошипел:

– Опять дьявольское отродье заявилося! Смотри, Нюрка, не убила ты его, а мы думали, что все, конец тебе пришел, ан нет, ошиблись мы маленько. Так я сейчас это дело подправлю.

Нюрка истерично завизжала и, резво вскочив на ноги, бросилась на спину Николая, а главарь попытался проткнуть его шпагой. Тут же с криком выскочила из-за угла Марфа и принялась кулаками колотить по спине сожительницу главаря. Так Николаю приходилось увертываться от шпаги Василия, бороться с вцепившейся в него разъяренной женщиной и при этом еще стараться не зацепить крутившуюся позади него Марфу. Ранение руки все-таки ограничивало свободу действия Василия, и Николаю удалось прижать одной ногой лезвие шпаги к полу, а носком другой тут же захватить главарю по виску. Тот обмяк и выпустил из рук шпагу, а Николай, решив приоритетную задачу, немедленно сбросил Нюрку на пол. Та не ожидала такого оборота дела. Неловко упала, подвернула руку и закричала от боли. Она не могла двигаться.

– Свяжи ее! – крикнул Марфе Николай, а сам бросился связывать главаря, пока тот не очухался.

Связав ему руки пластиковой затяжкой, он обратил внимание на лежавшую на полу шпагу. Поднял ее и примерился к оружию. Удобная и не слишком тяжелая. В руке она сидела прямо как влитая. Попробовал сделать пару взмахов, затем выпад, уход с линии, снова выпад. Присмотрелся к лезвию шпаги. По нему шел слабый, еле заметный дымчатый рисунок, а ближе к гарде – арабская вязь. «Совсем неплохое оружие! Дамасская сталь», – восторженно подумал Николай и вспомнил свои молодые годы. Память услужливо окунула его во времена, когда он увлеченно тренировался вместе со своим отцом – чемпионом Европы по современному пятиборью. Сам Николай успел стать кандидатом в мастера спорта, но потом он стал взрослеть. Кость расширилась, его комплекция стала не сильно подходить к требованиям для фехтовальщиков и конников. Его интересы переключились на восточные единоборства, и он оставил профессионально заниматься многоборьем. А между отцом и дедом в это время шла настоящая война за его будущее. Отец хотел, чтобы Николай стал профессиональным спортсменом – пусть даже борцом, а дед настаивал, чтобы внук стал профессиональным сыщиком. Так как он сам отработал после окончания университета в МУРе всю свою жизнь, то и теперь дед хотел, чтобы Николай пошел по его стопам. Мать же, в свою очередь, как преподаватель иностранных языков, прочила своему сыну карьеру филолога. Пока Николай разглядывал шпагу, к нему подошла Марфа и стала трясти его за плечо. Он глянул на нее. Девушка испуганно смотрела на визжащую от боли Нюрку и спросила:

– А чем ее вязать-то?

Николай стукнул себя по лбу: приказал связать, а чем, не дал. Он огляделся, но ничего более подходящего, чем пояс на рубахе Василия, не нашел. Опер отложил в сторону шпагу и быстро снял с главаря разбойников пояс и бросил Марфе. В его руках остались ножны для большого и малого ножа, а также небольшой кожаный мешочек. Он был достаточно тяжелый, и что-то в нем позвякивало. Николай развязал его и высыпал его содержимое себе на ладонь. В нем оказались золотые и серебряные монеты, а также небольшой слиток золота. Он был очень похож на грецкий орех. Высыпав обратно все в мешочек, он сунул его в карман и, увидев, как Марфа бестолково пытается связать пленницу, бросился ей помогать. Сожительница главаря продолжала визжать и даже вцепилась Марфе в волосы. Николай

резко шлепнул ладонью по щекам истерички. Та резко замолкла. Тогда он ощупал ей руку. Она была цела. Видно, всего лишь подвернула ее. Он завернул ей руки за спину и связал их. Теперь можно было перевести дух. Лицо Марфы раскраснелось, и она сердито посматривала на сидевшую на полу пленницу. Та больше не визжала, а с безразличным видом смотрела на потолок. Зашевелился Василий. Он попытался встать, но болезненно сморщился и сел обратно на пол.

– Жаль, что здесь нет моих братков, а то бы мы тебя уже на части бы давно порезали, – зло прошипел он.

– Если бы да кабы! – ответил Николай. – Забрали уже твоих братков, и теперь они про тебя все, кому надо, рассказывают.

– У отроде ваше дьявольское! Небось из опричников!

– А с чего ты это взял?

– Одежа у тебя вся черная, чудная, только вот тока обувь неправильная для твоей одежды – белая почему-то, и на сапоги совсем не похожа! Прямо тапки какие-то!

– Опричник, так опричник. На таких, как ты, опричники в самый раз будут. Давай, вставай, пошли! Сведу тебя к отцу Марфы, пусть он с тобой разбирается! Надоел ты мне уж больно! Кстати, куда украшения боярской дочери дел?

– А не твоего это ума дело, куда дел! – огрызнулся главарь и отвернулся в сторону.

– Не скажешь, говоришь?

Николай посмотрел на неумелую перевязку раны на его правом плече. На ней расплылось бурое пятно. Видно было, что рана еще не успела зажить. Повязка была влажная. Он медленно подошел к Василию и, крепко взявшись рукой за его плечо, как раз надавил на месте ранения. Василий сморщился и застонал от боли.

– Точно, опричник! – еле выговорил он сквозь зубы. – Тебе только в каты и идти.

– Будешь молчать, пожалеешь, что на свет родился! – тихо произнес Николай и нажал сильнее.

Василий взвыл так, что женщины перепугались и с округлившимися от страха глазами смотрели на него.

– В мешке, у меня за спиной! Да подавитесь вы все! Не могу больше ваше бесовское отроде уже терпеть! Ивашка ваш, черным бесам тоже продался – опричнину в Московии ввел. Стал своим опричникам земли раздавать, да ладно бы свободные, ничейные! Нет, на нашу с отцом землю пришли! Отобрали все, что могли, подчистую! Моих родителей по миру пустил! А за что? Я тебя спрашиваю, бесовское ты отроде, – за что? Мой батюшка, боярин потомственный, ни в одном заговоре против вашего Ивашки не участвовал, и вот такая вот от него благодарность за нашу с отцом верность ему? Так пусть знает, ирод, что разбойничал – вред ему; и не боюсь я этого признавать, ибо через его непотребство сейчас нет в живых моих родителей, да и с братьями моими я не знаю, что теперь произошло – живы ли они? Девка, что с тобой была, ловко их одолела. Не знал я, что в опричники теперь даже баб берут да в мужское одеяние их рядят, чтобы таких дурней, как я да мои братья, приманивать, а потом в полон брать!

Василий внезапно замолчал и стал угрюмо смотреть в пол, а Николай смотрел на него и не знал, что ему ответить. Главарь разбойников посчитал его опричником и виновным в горестях своей семьи. Так Николай оказался в этом незнакомом для него мире как бы без вины виноватым. Но, с другой стороны, и на душе у Василия было, скорее всего, не одно и не два смертоубийства. Вон и девчонку захватил в заложники. Выкуп требовал. А не получил бы

его, еще неизвестно, что дальше было бы с Марфой. Кому, как не Николаю, хорошо известна простая истина – одна несправедливость цепляет другую. Но кто-то должен разрывать этот порочный круг, а опер как раз тот человек, который должен прервать череду несправедливости. По российским законам Василию грозило бы бессрочное заточение в тюрьму, а что полагается по законам средневековой Руси, скорее всего, смертная казнь. Когда Николай учился в университете, то приходилось взглянуть на тексты Судебника Ивана Грозного. Вроде даже зачеты были на эту тему, но что-то сейчас он никак не мог вспомнить, о чем конкретно там говорилось про подобный случай. Василий в любом случае сам себе подписал смертный приговор. Но есть закон, а есть правда жизни. В тонкости политики Ивана Грозного в годы своей учебы Николай не слишком пытался разбираться, но его дед был свидетелем крушения Союза и видел, как верхушка тогда за счет народа решала свои проблемы, улучшала свои жизненные условия. Как говорят: «Паны дерутся, а у холопов чубы летят». И Василий уже не остановится – он будет продолжать всем мстить за свою погубленную жизнь! «Если я каким-то чудом действительно угодил во времена Ивана Грозного, то придется его передать отцу Марфы, а дальше решать – чем мне дальше здесь заняться», – размышлял Николай. Он посмотрел на две котомки, стоявшие у стенки. Одна из них была мягкая. Скорее всего, какие-то тряпки. Вторая позвякивала металлом. Он протянул ее девушке:

– Посмотри, может, найдешь в этой котомке свои украшения, а то возвращаться к отцу и без его подарков как-то неловко будет.

Марфа, недолго думая, вывалила содержимое мешка на пол. Раздался звон металла, и Николай увидел великолепные поделки старинных мастеров. Перед ним были и золотая и серебряная посуда, кольца, сережки, всяческие украшения – и все такое искусное, красивое. Тут же лежал его пистолет. Николай быстро поднял его с пола, вынул магазин, пересчитал патроны, все были на месте. Затем на всякий случай передернул затвор и убедился, что в патроннике их нет. Вставив обратно магазин, Николай спрятал пистолет в кобуру. С оружием он чувствовал себя значительно увереннее.

– А вот и мои сережки! – обрадовалась Марфа и тут же одела их. – А вот и кокошник!

Вскоре на девушке уже сияли все ее украшения. Только Нюрка злобно поглядывала на то, как ее бывшая пленница возвращала себе свои собственные вещи.

– Ненавижу вас всех! – нервно закричала она.

– Навидишь или ненавидишь, а вставать тебе придется! – в приказном тоне произнес Николай и встал на ноги.

Нюрка проигнорировала его приказ. Тогда Николай вплотную подошел к ней. Метр девяносто с небольшим угрожающе нависал над сожительницей главаря, и она опасливо посмотрела на широкие ладони плечистого молодого парня. Тот задумчиво разглядывал шпагу. Ей показалось, что он задумал отрубить ей голову, и она нехотя поднялась на ноги.

– А теперь ты! – приказал Николай, указывая шпагой на Василия.

Тот покосился на торчащее перед его лицом опасное лезвие и тоже, недовольно ворча себе под нос, встал на ноги.

– Встали ближе друг к другу! – повелел Николай.

Пленники выполнили приказание, хотя и не совсем понимали, для чего это нужно.

– А ты, Марфа, когда-нибудь лошадям ноги веревкой путала?

– Н-е-е, но видела, как это делает наш конюх, а я очень памятливая!

Николай взял второй мешок и вытряхнул его содержимое на пол. Среди тряпок нашлась

и веревка. Куда же бандиты и без веревки?

– На, бери! – произнес Николай и протянул ее Марфе. – Покрепче вяжи им ноги, да так, чтоб ходить могли, но не убежали!

Марфа старалась, но у нее это не очень получалось, а для Николая – это было привычным делом. В детстве летом, когда он с семьей отдыхал в деревне, он сам напрашивался в помощники соседу ухаживать за лошадьми, а позже, когда занялся пятиборьем, с лошадьми уже стал на «ты». Так что общими усилиями они с Марфой связали главаря и его сожительницу одной веревкой. Теперь и захотят, не убегут. Николай вспомнил, как Василий держал у его лопатки нож, и, приставив шпагу к его спине, вкрадчиво спросил:

– Так где, говоришь, тут выход? Показывай дорогу, надоело мне здесь! И, прошу тебя, не серди меня!

Василий, еле волоча ноги, пошел вперед. За ним, на одной с ним веревке, шла его сожительница. Шли они медленно. Долго петляли по замысловатым переходам подземелья. Если бы Николаю снова потребовалось вернуться обратно, то вряд ли он бы смог это безошибочно проделать. Но он надеялся, что знать ему обратную дорогу больше не нужно, и не ведал он, что эта дорога может привести его домой – в его родной мир. А пока он шагал по подземным переходам, замыкая шествие. Наконец стало светлее, а затем и вовсе светло. Показался выход из подземелья. По всей видимости, когда-то отсюда возили камень для нужд города.

Выйдя наружу, все остановились, чтобы перевести дух. Встал и Николай. Боль в его голове уже вроде как прошла, а тренированное тело пока еще не требовало отдыха. Солнце стояло высоко, было достаточно тепло, и где-то недалеко во все горло заливался дрозд. За их спинами невдалеке начинался лес, а перед ними простиралось поле. За ним виднелось множество деревянных домов, огороженных заборами. По разбитым от колес телег улицам бегала дворовая живность. За посадом были хорошо видны белые стены Китай-города. Они были новые, только совсем недавно отстроенные. Перед ними был ров и деревянный мост. Он вел к воротам в город. Насколько Николай мог сообразить – это, скорее всего, были Ильинские ворота. В некотором отдалении от белых стен Китай-города виднелись красные каменные стены Кремля. А над ними – золотые и цветные купола множества церквей и соборов. Николай так и застыл с открытым ртом. До сего момента у него еще были подспудные надежды, что это какой-то глупый розыгрыш. Но теперь он понял, что все его надежды были напрасны. Москва предстала перед ним во всей своей средневековой красоте, и ему теперь предстояло привыкать здесь жить. Николай тяжело вздохнул и втихаря выругался. Марфа его не услышала, она вся сияла от радости и нетерпеливо теребила его за руку.

– Пошли скорее! – закричала она.

Но быстро только сказка сказывается, а идти до центра Москвы было не так и близко. Тем более со связанными по рукам и ногам пленными. Николаю приходилось время от времени их подгонять. Дойдя до моста, он дал всем отдохнуть. Они перекусили и немного попили. Много пить Николай им не дал – далеко идти не смогут. Ехавшие мимо крестьяне только косились на странную компанию, но ничего не говорили. Отдохнув, путники пошли дальше. Остановили их только стражники у белокаменных стен Китай-города у Ильинских ворот.

– Кто такие? Если ведете в город на продажу рабов, то платить должны подать!

К ним подскочила Марфа, и один из стражников ее узнал. Седовласый воин всплеснул

руками и обрадованно воскликнул:

– Ты ли это, Марфута?

– Я, конечно, а кто еще? – гордо ответила девушка. – Ты, дядька Федор, совсем уже запамятовал, как я выгляжу?

– Так тебя же тати схватили! Сколько уж времени прошло с той поры? Отец твой, боярин Остафьев, совсем извелся тебя искать. Надежду совсем потерял, а мать слезы льет, что не остановишь, да так, что намедни слегла!

– Тогда не держи нас, а пропусти немедля! Нам нужно поскорее сдать разбойников в приказ!

– А кто это с тобой, да в таких дивных нарядах? – удивился десятник.

– Это мой освободитель, дядька Федор. Он самого главаря разбойников ранил, а теперь его и его сожительницу в земский приказ, к моему отцу ведет. Он из дальних стран вернулся домой!

– А-а, то-то он такой странный, – протянул стражник и стал приглядываться к пленникам. – Так неужто это Василий, которого так долго твой батюшка, боярин Остафьев, ищет?

– Он самый, дядька Федор!

– Тогда я вам для надеги провожатых дам!

Процессия еще увеличилась на двух конных воинов. Они одновременно подозрительно и почтительно косились на Николая, ибо тот и без лошади выглядел весьма внушительно. Так они и шли по городу, а горожане оборачивались им вслед и перешептывались. Николай же неустанно крутил головой. Он не узнавал Москву. Да и как тут ее узнаешь, если ему еще не встретилось ни одного знакомого здания, за исключением Кремля, к которому они сейчас приближались. Улицы не отличались большой шириной и были в основном немощеными. Хорошо, хоть дождя не было, а то глинистая земля налипала бы на обувь, ноги бы разъезжались, а с пленными совсем пришлось бы туго. На улице то тут, то там попадались то коровьи лепешки, то конские катыши, и это не считая куриного помета и прочего мусора. Люди особо не церемонились и выливали накопившиеся помои прямо за ворота своих домов. От этого в воздухе стоял весьма специфический запах. Но, судя по выражениям лиц средневековых москвичей, для них это никоим образом не создавало чувство дискомфорта. Напротив, они были деловиты, шли и ехали на телегах и верхом. Везли и несли различные товары. В общем, шла обычная городская жизнь. А земский двор оказался как раз на месте нынешнего Исторического музея, рядом с кремлевской стеной. Тут же рядом были Васильевские ворота и купеческий Китай-город. У входа в здание земского приказа их остановил стражник.

– Без дела ходить не положено! – важно произнес он и перегородил проход бердышом.

– Мы вас довели, как десятник нам приказал, а дальше вы тут уж сами разберетесь, а нам пора обратно к городским воротам, – сказал один из конных воинов, выделенных для сопровождения.

Не дожидаясь ответа, воины развернули лошадей и ускакали прочь. Николай лишь успел кивнуть им в ответ, а Марфа, словно разъярившаяся кошка, набросилась на стражника.

– Ты свои zenки разуй, бестолочь! Не видишь, кто перед тобой стоит? Вот отцу скажу – он быстро тебе кнута даст! Беги, скажи моему отцу, что я вернулась!!!

– А кто твой отец-то? – снизошел спросить стражник. – Я тут человек новый, и тебя, и твоих людей совсем не ведаю.

– Ты что, не видишь, что мы разбойника привели? Я боярина Остафьева дочь! Зови моего отца! – возмущенно ответила Марфа.

Стражник приоткрыл входную дверь и позвал десятника. Тот вскоре явился и удивленно уставился на Марфу. Немного постоял, разглядывая ее, потом восторженно воскликнул и бегом побежал на второй этаж. Не прошла и минута, как по той же лестнице вниз уже бежал человек в шелковом камзоле. Увидев Марфу, он восторженно закричал, а подбежав, нежно обнял ее и погладил по голове.

– Доченька моя, как мы с маменькой тебя долго ждали! – с нежностью в голосе произнес он. – Где же ты пропадала? Да как ты здесь оказалась?

– Вон он, мой обидчик! – гневно указала рукой девушка на понуро стоящего Василия и тут же смущенно улыбнулась, а затем кивнула головой в сторону Николая и гордо произнесла: – А это мой спаситель. Он этого врага ранил, а потом и пленил, да к тебе привел.

– Да? – удивленно оглядывая Николая, спросил боярин. – Ты чей будешь, мил человек?

– Я свободный человек. Учился и работал в разных дальних странах. Теперь вот решил вернуться. Знания получил, а теперь вот хочу послужить родному отечеству. А зовут меня Николай Иванович Бельский.

– Весьма похвально! – одобрительно произнес боярин. – Как меня зовут, моя дочь тебе уже, наверное, сказывала – боярин Остафьев я, Алексей Никифорович. Так что ты делал-то на чужбине?

– Учился ловить разбойников и татей. В чем значительно преуспел в дальних землях, – не моргнув глазом, вполне убедительно ответил Николай.

Боярин даже крикнул от неожиданности и удивленно посмотрел на дочь. Та же просто сияла от счастья, и он улыбнулся дочери.

– И языки чужеземные разумеешь?

– Латинским, английским и французским вполне владею.

– Вот как! Значит, сыску обучен и языкам чужеземным, – задумчиво произнес боярин, а затем еще раз внимательно посмотрел на Николая и важно продолжил: – Значит так, опосля вечерни ко мне придешь! Поговорить с тобой мне надобно!

Боярин подхватил под локоток свою дочь и повел к себе на второй этаж. Уже на лестнице он остановился и крикнул стражникам:

– Татей определите в темницу! Да вызови ката! Апосля я с Васькой сам займусь! У меня до дочки разговор есть!

Стражники тут же кинулись к Василию и его сожительнице и чуть ли не пинками погнали их к двери, которая вела в подвал. Николай хотел уточнить, где живет боярин, но посмотрел на Марфу и ее отца, как они шли по лестнице и увлеченно беседовали, и передумал. «Сам узнаю – язык ведь до Киева доведет, а боярская Москва не такая уж и большая по сравнению с моей Москвой», – размышлял Николай. Он уже собирался уходить, как заметил, что Марфа неожиданно взглянула на него и улыбнулась. На душе сразу стало тепло – помог человеку вернуться домой. Девушка скрылась с отцом за поворотом лестницы. Она вернулась в свою привычную жизнь, а для Николая начиналась совершенно новая жизнь в абсолютно незнакомом для него мире Средневековья, и эта жизнь обещала ему быть совершенно не похожей на его недавнее прошлое рядового оперуполномоченного убойного отдела московской полиции. Она теперь осталась уже где-то в далеком будущем. Удастся ли Николаю вернуться обратно в свое время или нет – он не знал.

Глава 6

Новые знакомства

Николай стоял у парадной лестницы белого каменного здания земского приказа и размышлял: «Куда теперь идти?» Стражник, стоявший рядом с ним, с любопытством его оглядывал. Для него он, скорее всего, выглядел весьма диковинно в черном джинсовом костюме, белой футболке и белых кроссовках. Николай поправил на плечах котомку с посудой, доставшуюся ему в наследство от Василия. Она никак не гармонировала с его одеждой. Николай почувствовал в кармане джинсов тяжесть и вспомнил про кожаный кошель. Покрутился с завернутой в тряпье шпагой, не зная, куда ее деть. Пока у него не было ни ножен, ни пояса, так что шпагу приходилось таскать в руках. Засунув ее себе под мышку, он залез рукой в карман и нащупал кошель, который местные называют калитой, и обрадовался. Вытащил его из кармана и еще раз взвесил на руке. Тяжеленький. Пригодится, продавать золотую и серебряную посуду, не зная местную конъюнктуру, накладно. О юридическом праве на вещи разбойников Николай не заморачивался, ибо, как он помнил, по средневековому укладу он имел право на имущество, захваченное у разбойника или, как здесь их зовут, татя. Он посмотрел на стражника. Тот, глотая слюну, во все глаза разглядывал калиту, разбухшую от монет.

– Служивый, а гостиница где тут поблизости будет?

– Шо? – не понял его стражник.

– Я спрашиваю, гостиница, тьфу ты, таверна где здесь будет?

– Таверна, говоришь? Так, почетай, их здесь в Успенском вражке хватат! Хуть бы вона за угол заверни и увидешь! Тама «Три карася» найдешь. Ня так и дорога там кормят, да и вкусно!

Стражник немного помолчал, еще раз покосился на калиту и смущенно добавил:

– Ты б сваю калиту на показ бы ня выставлял-то. А то лихих людей у нас полно и не заметишь, как унесут яе у тябя.

– Спасибо за подсказку, – ответил Николай. – Ну, бывай! Да, кстати, а где боярин Остафьев живет?

– Так это всяк, кого хошь спроси, знает! На Никольской улице, сам большой белый дом из каменьев увидишь – эт как раз яго и будет! Не ошибешься!

– Еще раз спасибо, служивый!

– И тябе не хворать, любезнай! – ответил стражник, наблюдая, как Николай прячет калиту за пазуху и застегивает куртку.

Таверна «Три карася» и впрямь оказалась весьма неплохой. Бревенчатый двухэтажный дом пропах смесью свежеспиленного дерева и еды. От такого дразнящего запаха у Николая даже невольно забурлило в желудке. Он тут же вспомнил, что нормально не ел уже достаточно давно. Николай с удовольствием вздохнул. Это так пахло аппетитно на крыльце таверны. Николай легко взбежал по деревянной лестнице и открыл дверь. Аромат еды теперь стал просто невыносимым. В его Москве так ароматно не пахло ни в одном ресторане или кафе. Когда Николай вошел, то галдящее разноголосье вмиг смолкло. Все посетители с недоумением уставились на него, но Николай уже привык к удивленным взглядам и, нисколько не смутившись, огляделся. К нему тут же подбежал половой. Видимо, он

перепутал его с литвином, так как рядом с Земским двором расположилось Литовское посольство, а поэтому даже не поинтересовался наличием у Николая денег. Он хорошо знал, что иностранцы по Москве без денег не ходят.

– Чего изволите, уважаемый? – спросил он, высоко задирая голову и пытаясь разглядеть гостя.

– Покушать и комнату, – ответил Николай.

– Эт мы мигом. Проходите вот сюда! Располагайтесь!

Служка подождал, пока гость расположится за столом, и неспешно продолжил:

– Что будем кушать?

– А что сегодня у вас есть?

– О, у нас много чего есть. Вот, например, стерлядь, только что отловленная, запеченная на углях, в сметане и с гречневой кашей. Жаренный на медленном огне молодой кабанчик с репой и морковью. Тоже только что из лесу. Али пряженцы с белорыбицей и кашей. Опять же щи с куриными потрошками али ушица со щукой и лучком. Так что изволите?

Николай на миг задумался, а потом махнул рукой и сказал:

– А неси все!

Глаза у прислуги радостно округлились, богатый, видать, гость попался, а то в таверну большие люди из приказа да служивые пообедать заходят, а они много на еду не тратят.

– Я мигом. А пить что изволите? Сбитень, квас, пиво, вино или медовухи подать? Есть у нас и фразское вино для важных гостей, – как бы по секрету уточнил служка.

– И этого давай мне отведать, всего понемногу, – попросил Николай. – Гулять так гулять, да отметим мой первый день в новом мире!

Половой с довольным видом пробежал мимо хозяина таверны, который стоял в дверях кухни и внимательно приглядывал за гостями. Он, видно, успел ему что-то шепнуть на ухо, потому что хозяин тут же направился к Николаю. Делал он это не спеша, явно с чувством собственного достоинства. Приблизившись, он слегка наклонил голову и произнес:

– Здрав буде, гость наш! Не прими за обиду, но позволь узнать у тебя, чем платить намереваешься? Еды много заказал и, как я понял, тебе и жилье тоже потребуется, а времена теперь лихие настали, некоторые и без денег норовят отобедать.

– Здравствуйте, – ответил Николай и полез в карман за деньгами.

Достал из мешочка золотую монету и отдал ее хозяину трактира. Тот взял ее, внимательно осмотрел и даже на зуб попробовал, и только тогда, улыбнувшись, уточнил:

– Так сколько гостевать у нас собираешься и столоваться как желаешь: свои харчи у тебя будут али наши кушать желаешь?

Николай от такого обилия уточнений немного смутился, но, подумав, решил, что будет есть и жить в таверне, пока не осмотрится и не придумает чего-нибудь более удобное и менее затратное.

– Пока на всю монету буду и жить, и кушать у вас в таверне.

– Тогда тебе на одну седмицу как раз и хватит монеты, а там, ежели надумаешь и дальше у меня жить, заплатишь вперед, – сказал хозяин таверны и добавил: – Когда отобедаешь, служка тебе покажет твою комнату.

Хозяин ушел, а к столу прибежал половой с плотно уставленным подносом в руках. Вся еда была с пылу-жару, источала мощнейший аромат и была без наших «любимых» Е-единиц, нитратов и пестицидов. Она просто таяла во рту. Так что едой Николай был весьма доволен, но единственное, чего ему не хватало, это специй. Видимо, не привыкли еще сдабривать в

Московии еду разными приправами. Но голод не тетка, и еда со стола исчезала, как по мановению волшебной палочки. Николай уже дожевывал последний кусок, когда услышал громкую ругань. Тройка наглых бугаев поели-попили, а платить за съеденное не желали. Они нагло смотрели в глаза хозяину таверны и ухмылялись. Вот чего-чего, а наглость Николай на дух не переносил. Он посмотрел на самодовольный вид развалившихся на лавке здоровяков.

– Не обеднеешь! – заявил хозяину один из них. – Мне, вона, хозяин тожа мож не платит за мою работу, и что? Я чо, с голодудохнуть должен, что ли?

По толстой наглой роже мужика, жалившегося на худую жизнь, можно было сразу определить, что тот особо не тяготился отсутствием пищи. Николай достал из кармана носовой платок, медленно стал вытирать руки, при этом он продолжал внимательно следить за троицей, а конфликт помаленьку разгорался не шуточный. Хозяин навис над троицей и требовал с них оплаты.

– Да пошел ты, жмот! – рывкнул самый здоровый и с ходу ударил хозяина трактира кулаком в голову.

Тот отлетел от стола, врезался спиной в соседний стол и упал на пол. Прислуга забилась на кухне и теперь с ужасом наблюдала за потасовкой издали. Хозяин приподнялся с пола, тряхнул головой и оглянулся на них, но те боялись даже высунуться из кухни. Тогда хозяин встал на ноги и, подскочив к обидчику, заехал ему по уху. Тут за своего подельника вступились сразу оба бугая. Один дал хозяину таверны под дых, а второй ударил по виску. Тот рухнул на пол как подкошенный. Немногие посетители тут же выскочили во двор. Многие из них не просто испугались, а, улучив момент, тоже решили под шумок не платить трактирщику. Троица решила, что вполне рассчиталась с хозяином за съеденное и выпитое, и не спеша направилась на выход, когда их окликнул Николай:

– Эй, любезные, а заплатить за съеденное не желаете?

– Битюк, посмотри, кто там вякает! – приказал самый здоровый, растирая свое раскрасневшееся ухо. – Успокой его, шобы помалкивал.

Видно, удар у трактирщика получился неплохой. Здоровяк тер ухо, морщился и втихаря ругался. Битюк, быстро перебирая ногами, подошел к Николаю и, не раздумывая, замахнулся для удара. Его рука уже почти долетела до головы капитана, когда тот мгновенно перехватил кулак Битюка своей рукой и сжал его, а затем резко вывернул. Нападавший взвизгнул и ударился головой о стол. Кувшины, тарелки полетели в разные стороны, а Николай добил его коротким ударом по сонной артерии. Битюк обмяк и съехал со стола на пол.

[Купить полную версию книги](#)